
Птица с перебитыми крыльями
Юлия Ли

Юлия Ли

Птица с перебитыми крыльями

https://litres.ru/73981358
SelfPub; 2026

Аннотация

Аля Синицина — дерзкая, прямолинейная и колючая бунтарка с огненными волосами, которая привыкла защищаться от всего мира. За её внешней агрессией скрывается глубокая душевная рана и страх перед властным отцом.

Он — Максим Морозов. Идеальный, холодный, неприступный. Их знакомство начинается с яростной вражды, где каждое слово — укол, а каждый взгляд — вызов. Но за этой опасной игрой скрывается притяжение, которому невозможно сопротивляться. Он видит в ней не просто «новенькую», а дикий огонь, способный сжечь весь его привычный мир.

Когда прошлое настигает Алю в лице обезумевшего отца, а её мать оказывается запертой в психиатрической клинике, игра перестаёт быть просто игрой. На кону — свобода и жизнь. Чтобы победить тирана, им понадобится помощь того, от кого они меньше всего ожидали помощи.

Сможет ли дикая птица вырваться из золотой клетки? Или страх окажется сильнее любви?

Содержание

Глава 1. Огненный дебют. 4
Глава 2. Две стороны одной пощечины. 27
Глава 3. Мята и ваниль. 40
Глава 4. Цена одного «Да». 71
Глава 5. Крыша над пропастью. 89
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Юлия Ли
Птица с перебитыми крыльями

Глава 1. Огненный дебют.

Огненно-рыжие волосы непослушно спадали мне на плечи. Я замерла перед большим зеркалом в своей новой, еще непривычно просторной комнате. Мой оценивающий взгляд задержался на пухлой разбитой губе. Я махнула головой, прогоняя плохие воспоминания прошедшей недели. В небесно-голубых глазах застыло раздражение. Надоедливые веснушки, рассыпанные по всему лицу, так и не удалось спрятать под пудрой.

Внизу хлопнула дверь, и по лестнице гулко разнеслись тяжелые шаги. Голос отца, как обычно, звенел от плохо скрываемого раздражения:

— Аля! Сколько можно копаться? Мы опаздываем!

— Иду!

«Так, — приказала себе я. – Первый день в школе, постарайся произвести хорошее впечатление!»

Усмехнувшись, я вышла из комнаты и стала спускаться на первый этаж. Отец стоял в холле, уже одетый в строгий де-

ловой костюм. Его лицо было напряжено, а взгляд скользнул по мне с ноткой недовольства.

— Десять минут, как должны были выйти, — от его тона, я почувствовала неприятную тяжесть внутри. – И что на тебя надето?

— Школьная форма моей новой тюрьмы — коротко ответив, я прошла мимо папы в сторону выхода.

Даже обычная форма в виде блузки, пиджака и юбки, способны вызвать негативные комментарии в мой адрес.

Отец стал рассуждать, что в их время одевались скромнее, и вообще, все было лучше. Не слушая его, я обулась и вышла. Папа вышел следом.

Я на секунду задержалась на крыльце нашего нового двухэтажного коттеджа. Дом был красивым, современным, но абсолютно чужим. Он не пах домом — он пах свежей краской и новизной. Не смотря на солнечное утро апреля, воздух был пропитан холодом. Я плотнее запахнула куртку.

Отец молча направился к черному автомобилю, который уже ждал нас у ворот. Водитель, в строгой униформе, предупредительно, открыл заднюю дверь. Я скользнула на прохладное кожаное сиденье и забилась в угол, стараясь занимать как можно меньше места. Отец сел рядом, и в салоне тут же повисла гнетущая тишина. Машина мягко тронулась с места. За окном проплывали незнакомые улицы, аккуратные газоны и такие же идеальные дома. Я смотрела на свое размытое отражение в тонированном стекле, когда первая кап-

ля дождя упала на стекло.

— Пап, у тебя зонт есть? – в надежде спросила я.

— Нет, — отец даже не оторвал взгляд от телефона.

Я нервно закусила губу, представляя, как промокну под дождем, пока буду бежать от ворот до школы.

Мы приехали быстро, даже слишком.

— Удачи, — отец изобразил подобие улыбки и продолжил набирать смс в смартфоне.

Я шагнула под своды престижной школы, и тяжелые двери за моей спиной захлопнулись с гулким эхом, словно отсекая от внешнего мира. Настроение было под стать небу — мрачное, колючее, полное глухого раздражения. Новое место, чужие лица, шепот за спиной — очередной раз привыкать к такому у меня не было желания.

Смотря себе в ноги, я равнодушно поплелась к школьным дверям. Коридор, вымощенный глянцевой плиткой, казался бесконечным лабиринтом. Закинув в шкафчик лишние вещи, я оставила в рюкзаке пару тетрадей и направилась в нужный класс. Я продолжала идти, не поднимая глаз, когда мое внимание привлек нарастающий гул голосов. Впереди, у окна с видом на строгий школьный двор, образовался плотный полукруг из учеников.

Остановившись, я бросила взгляд в сторону кабинета, где должен был начаться мой первый урок в этой школе.

«Аля, просто пройди мимо» — взмолился мой разум. Я шагнула в сторону толпы, чувствуя, как внутри поднимается

волна протеста происходящему.

В центре круга, сжавшись в комок и пытаясь закрыть лицо руками, стояла хрупкая девочка. Над ней, словно хищные птицы, нависла стайка старшеклассниц. Их смех был острым и режущим, а слова — неприятными и ядовитыми.

Что-то щелкнуло внутри меня. Злость, накопленная за утро, нашла выход.

— Эй! — мой голос прозвучал неожиданно громко и хрипло, прорезав удушливую тишину толпы. — Оставьте ее в покое!

Девушки медленно обернулись. В их глазах читалось удивление, быстро сменившееся презрением. Лидер группы, высокая брюнетка с идеально убранными волосами в хвост, скривила губы в усмешке.

— А ты кто такая? Новая мышка? Решила поиграть в справедливость?

Толпа, стоявшая рядом, неприятно оскалилась. Не обращая внимания, на смешки со стороны, я растолкала толпу и вытянула испуганную девочку из круга. Мы стали пробираться сквозь собравшихся, как вдруг я почувствовала, как кто-то дернул меня за плечо. Резко обернувшись, я встретилась с карим взглядом брюнетки:

-Я тебя не отпускала, — она дернула меня за руку с такой силой, что мое тело невольно качнулось в ее сторону.

Выпустив руку девочки, я, не задумываясь, толкнула в ответ брюнетку. Повисла звенящая тишина, в которой я услы-

шала громкое биение собственного сердца.

— Ты кто такая, что бы меня трогать?! – не сдерживая эмоций, вскрикнула девушка.

— Аля, — бросила я, чувствуя, как адреналин начинает бить в голову. – Еще раз тронешь меня, я отвечу. И поверь, тебе это не понравится.

Слова стали искрой, я не успела среагировать, когда неожиданно почувствовала, как меня толкают в спину. Не удержавшись, я рухнула на колени перед брюнеткой. Та, неприятно скривилась.

— Упс… — она опустилась передо мной. – Ноги от такой наглости не держат?

— Лучше бы ты держалась на расстоянии.

Резко схватив брюнетку за галстук, я с силой дернула вниз. Девушка упала рядом со мной, я мгновенно оказалась сверху. Прядь волос упала мне на лицо, мешая.

«Надо было все-таки делать хвост» — мелькнуло у меня в голове. Намотав галстук на руку, я приблизила испуганное лицо брюнетки к своему. В ее глазах пропало презрение, и появился страх.

— Предупреждение было сделано, — только и успела сказать я, как ощутила сильные руки на своей талии, которые с удивительной легкостью меня подняли.

В нос ударили нежные нотки свежести и хлопка от того, кто меня так крепко держал. Брюнетка поднялась следом, как щенок на привязи.

— Убери ее от меня, Макс! – завопила она.

Тот, кто держал меня сзади, положил свою ладонь поверх моего кулака и с силой нажал на него. Рука раскрылась, и брюнетка отскочила в сторону, глотая ртом воздух. Я попыталась вырваться, но держащие меня руки лишь крепче сжали талию, слегка приподняв меня над полом.

— Успокойся и я тебя отпущу, — над моим ухом прозвучал спокойный, низкий тембр голоса.

Я хотела ответить, но не успела. Брюнетка ринулась в мою сторону, явно мечтая поквитаться со мной. Меня резко развернули от нее.

— Арина, не лезь! – приказал все тот же мужской тембр.

— Но Макс! – взвизгнула Арина.

— Я сказал, не лезь, — руки ослабили хватку, мои ноги коснулись пола.

Как только меня отпустили, я сразу же развернулась. Парень, которого брюнетка называла Максимом, с интересом, смотрел на меня сверху вниз, ситуация его явно забавляла. Он поправил светлые волосы, которые милыми кудрями спадали на лоб. Лицо было красивым, но наглым, что невероятно отталкивало. Я, тяжело дыша, бросила сердитый взгляд на него, а после на Арину. Мои щеки горели, волосы растрепались.

— Держи свою подругу на коротком поводке, — обратилась я к парню. – И, желательно, подальше от людей.

— Ах ты…

Арина рванула ко мне, но Максим перехватил ее. Под отчаянные вопли брюнетки, я направилась в сторону класса, в котором у меня должен был начаться первый урок в новой школе.

«Вот и хорошее впечатление, Аля,— ругал меня мой внутренний голос. – Великолепно!»

Максим.

— Кто эта выскочка? – Арина облокотилась на шкафчик рядом со мной.

Она выжидающе испепеляла меня взглядом, ожидая моего ответа.

— Понятия не имею, — я равнодушно пожал плечами и открыл свой шкафчик.

Доставая из него учебник алгебры, мой взгляд на мгновение задержался за приклеенной к дверке фотографии. Девушка на фотографии горела восторгом, заражая счастьем меня. У меня на лице появилась тень улыбки.

— Меня опозорили, а ты смеешься? – на эмоциях произнесла Миронова.

От ее высокого тона, у меня начинала болеть голова. Вздохнув, я обратил все свое внимание на нее. Арина этого и добивалась. С самого детства, как только наши родители решили, что нам обязательно стоит дружить, Арина только и делала, что требовала к себе особого внимания с моей стороны. И всегда закипала, если я не давал ей этого внимания.

— Что ты от меня хочешь? Я вижу ее первый раз, откуда

мне знать, кто это?

— Она зашла в твой класс! – не унималась Арина.

— Значит новая ученица. Я бы ее запомнил, если бы раньше видел бы.

Такую сложно забыть. Влетела в наш круг, устроила настоящее шоу. Неуправляемый огонек. Обожгла своим пламенем нашу королеву школы. Ариша теперь не скоро успокоится, если вообще успокоится.

— Как ты можешь себя так спокойно вести?

— Арин, ты сама виновата. Не понимаю, откуда в тебе появилась эта жестокость? С девчонкой ты явно перегнула палку.

Лицо Арины вытянулось, будто бы она услышала что-то невообразимо оскорбительное. Она втянула в себя воздух.

— Тише, — произнес я, как можно спокойнее. – Только без сцен. Давай я тебе подниму настроение. Только скажи, как?

Возмущение сменилось задумчивостью. Миронова на минуту притихла.

— После урока, скажешь мне за какой партой она сидит.

— И все? – я удивленно вскинул брови.

— И все.

Аля.

Звонок прозвенел через десять минут после того, как только я заняла свободную парту у окна. Столы стояли в три ряда, на одного человека. Мои новые одноклассники броса-

ли любопытные взгляды на меня. Последним в класс зашла компания парней. Блондин, с котором мы столкнулись в коридоре, бросил на мою парту быстрый взгляд и сел позади меня. Его неприятной подружки рядом не было. Я в надежде подумала, что она учится в параллельном классе.

Дверь хлопнула и к центральному столу подошла строгого вида женщина. Внешне учительница напоминала рыбу. Ее широко расставленные глаза смотрели сквозь учеников. Бледное лицо с тонкими, плотно сжатыми губами напоминало холодную маску. Ее взгляд сосредоточился на мне, и я уже приготовилась к очередному бессмысленному представлению.

— Здравствуйте, — начала учительница, продолжая смотреть на меня. — В нашем классе пополнение. Меня зовут Рината Кирилловна, выйди к доске и расскажи о себе.

Я медленно поднялась, вышла к доске и обвела равнодушным взглядом одноклассников. На секунду мой взгляд задержался на блондине, который не отрывая голубых глаз прожигал меня на сквозь. Глубоко вздохнув, я сказала тихо, но отчетливо:

— Меня зовут Аля Синицина, это все, что вам нужно обо мне знать. Подробности обо мне я опущу, ведь никому не интересна история чужой жизни. Поэтому, заранее спасая потраченное время, я закончу свой рассказ, не начиная.

В классе повисла абсолютная тишина, нарушаемая громким тиканьем настенных часов. С этими словами я верну-

лась на свое место. Недовольный взгляд Ринаты Кирилловны выжидающе смотрел на меня.

— Хорошо, — нарушила минутное молчание Рината Кирилловна и открыла страницу учебника. – Продолжим нашу тему.

Классный руководитель вызвала к доске первую несчастную, которая промолчав несколько минут у доски, вернулась обратно за парту.

— Каримова, — возмущаясь, обратилась к девушке учительница. — ЕГЭ на носу, а ты элементарных вещей не знаешь. Морозов реши задание.

Позади меня скрипнул стул. Не спеша, блондин подошел к доске и за секунду написал ответ.

— Другое дело, — Рината Кирилловна изменилась в голосе. – Садись, Максим, как всегда пять.

С самодовольной улыбкой, Максим прошел к своему месту.

— Следующее уравнение...— взгляд Ринаты Кирилловны прошелся по классу и остановился на мне. — Синицина.

"Черт" — выругавшись мысленно, я встала. Разве это правильно вызывать тех, кто еще не освоился в школе и в ее программе? Переписав задание, я какое-то время смотрела на доску, пытаясь понять с чего начать. На меня смотрело нечто непонятное, сочетание букв и цифр. Вздохнув, я вернула маркер на подставку и развернулась к учителю. Ее выжидающий взгляд вызвал во мне раздражение.

— Я не знаю решения, — призналась я.

Ощущая дикую неловкость, я из-за всех сил старалась не опускать взгляд и держать зрительный контакт с учителем.

— Плохо, Синицина, — ответила Рината Кирилловна, поставив красную точку в журнале напротив моей фамилии. — Вместе с Каримовой на пару будете метаться перед ЕГЭ. Учить и знать надо. Садись.

— Я не знаю эту тему, Рината Кирилловна. Потому что в старой школе мы это еще не проходили.

Учительница сузила глаза. По ее лицу было заметно, что мне стоило послушать ее и сесть обратно, а не раскрывать рот.

— Хорошо, — как-то странно улыбаясь, произнесла она, листая учебник. — Записывай новое уравнение.

Следующие двадцать минут, Рината Кирилловна, гоняла меня по пройденной мной теме. Она не отпустила меня, когда я решила первое ее уравнение. И так же не отпустила после второго и третьего уравнения. Написав четвертое задание, я нахмурилась.

— Все, Аля, у нас нет времени тебя ждать, — скомандовала Рината Кирилловна. — Вернись за парту. Три. Ни новую, ни старую тему ты не знаешь.

Удивление на моем лице сменилось возмущением.

— Рината Кирилловна, — начала я не согласная с выставленной оценкой, но учитель меня остановила вытянутой ру-

кой.

— Достаточно! Мы и так потратили на тебя половину урока. Садись.

Я сжала челюсть, силясь промолчать и прошла на место. Мне осталось доучиться два месяца, не стоит портить отношения и особенно с классным руководителем. Но что-то мне подсказывало, что отношения уже были испорчены, с самого начала моего выступления у доски.

После урока, я вслед за одноклассниками направилась в столовую. Помещение гудело от разговоров, звуков столовых приборов. Пахло свежей выпечкой. Из всех школ, в которых я училась, эта столовая была светлее, просторнее и приятнее. На выбор было несколько напитков, десертов, омлет и каши. Ценники были прикреплены рядом с едой. Оплатив завтрак, я заняла свободное место.

Неожиданно, напротив меня опустился парень, и я вздрогнула. Темные волосы, выбритые по бокам, открывали острые скулы, а в ушах поблескивали массивные кольца. Рукава его рубашки были небрежно закатаны до локтей, обнажая начало витиеватой черной татуировки, уходящей от запястья к предплечью. На разбитой губе запеклась кровь — в том же самом месте, что и у меня, а над черной бровью расплылся багровый синяк. В его глазах цвета ночи плясали озорные искры.

— Привет, — на его лице промелькнула тень улыбки. —

Я Глеб. А ты, значит, Аля?

— Привет, — я лишь коротко кивнула и сделала глоток сока.

Желания общаться не было. После утренней сцены и провального урока я мечтала лишь о тишине.

— Теперь мы учимся в одном классе, — продолжил он, не сводя с меня взгляда. — А ты мастер эффектных появлений.

— О чем ты? — зачем-то спросила я, хотя прекрасно понимала, о чем пойдет речь.

— Мне уже рассказали о твоей утренней стычке с нашей элитой. Начать первый день с драки... — Глеб прищурил один глаз и цокнул языком. — Да еще и с Мироновой...

Я перестала жевать и изогнула бровь, внимательно посмотрев на Глеба:

— Кто такая эта Миронова, что ты так удивлен?

— Дочь одного из главных меценатов школы. Ее даже учителя обходят стороной, боясь испортить отношения.

— Как хорошо, что мне все равно на наши с ней отношения, — усмехнулась я. — Кем бы ни был ее отец, это не дает ей права так себя вести.

— Возможно, — кивнул Глеб и окинул меня проницательным взглядом. — А ты мне нравишься. В тебе есть что-то бесшабашное. Давай дружить?

Он протянул мне руку. Я перевела взгляд с его ухмылки на широкую ладонь и пожала ее. Рукопожатие оказалось крепким, почти до боли. «Драку устроила, подружилась с

неформалом... Какой будет следующий шаг?» — мысленно усмехнулась я.

Глеб оказался удивительно легким в общении. Мы провели всю перемену вместе. Он рассказывал о негласных правилах школы: кого стоит сторониться, а с кем (подразумевая себя) лучше завести дружбу. Мы уже направлялись в класс, когда я задала очевидный вопрос:

— Почему я не видела тебя на первом уроке?

— Я не любитель ранних подъемов, — признался он с обезоруживающей простотой. — Стоит ли напрягаться, если моя жизнь уже решена и проплачена?

Я удивленно вскинула брови, и Глеб продолжил:

— Мама уже расписала все наперед: куда я буду поступать, где работать и как жить. И она сделает все, чтобы так оно и было. Даже если я перестану посещать школу вовсе, я все равно ее окончу.

Он открыл дверь класса и галантно пропустил меня вперед. Я прошла к своему месту. На гладкой поверхности парты ядовито белела надпись: «Сука».

— Ого, Ариша дала о себе знать! — присвистнул Глеб, бросая рюкзак на парту передо мной.

Я лишь устало вздохнула и закатила глаза. Глеб протянул мне влажную салфетку.

— Это в ее духе, — произнес он, помогая оттирать краску.

— Какая скудная фантазия... — пробормотала я. — Меня такие выходки перестали цеплять еще в пятом классе.

Надпись упрямо не желала стираться, оставляя лишь грязные разводы.

— Подожди, у нее на тебя теперь великие планы.

— Ободряюще... — выдавила я улыбку.

Заводить врагов в первый же день? Могу, умею, практикую. Прозвенел звонок. Я опустилась за парту, испачканную грязными разводами мести Мироновой. Весь урок я провела за чтением Булгакова. Склонившись над книгой, я полностью погрузилась в чтение, вырисовывая возникшие мысли от чтения в голове.

Едва прозвенел звонок, Глеб решил, что ничего интересного сегодня уже не предвидится, и, махнув рукой на прощание, покинул школу. Я же, отказавшись присоединиться к его побегу, отсидела за испачканной партой еще два бесконечно долгих занятия.

Последним уроком в расписании стояла физкультура, и эта новость вызвала у меня неимоверную радость. Однако всякое воодушевление улетучилось в тот же миг, когда учитель, Олег Тимурович, объявил о командной игре в волейбол.

Капитанами двух противоборствующих отрядов стали Морозов и Волков. Они начали поочередно «вербовать» игроков, и когда очередь дошла до меня, я демонстративно подняла руки.

— Я не в игре, — тут же запротестовала я, не желая даже приближаться к площадке.

— Синицина, — Олег Тимурович многозначительно поднял журнал. — Отказы не принимаются. Иначе влеплю «пару» в журнал!

Я уже хотела возмущенно скрестить руки на груди и выдать гневную тираду, как в разговор вмешался Морозов.

— Настолько боишься проиграть, что готова на двойку пойти? — он иронично изогнул бровь.

Я бросила на Максима тяжелый взгляд исподлобья.

— Волков, я в твоей команде.

— Давай, — равнодушно отозвался одноклассник.

Игра началась.

Мяч с невероятной скоростью летал над сеткой. Я стояла на задней линии, чувствуя себя абсолютно лишней в этом механизме. Волков раздавал короткие, четкие указания.

Я поймала взгляд Максима. Он стоял напротив, поигрывая мячом. Его глаза блестели, губы скривились в усмешке.

— Синицина! — резкий окрик Олега Тимуровича вывел меня из оцепенения. — Ты спишь? Прием!

Мяч летел прямо на меня. Я рефлекторно выставила руки вперед, и... он отскочил от моих ладоней, как от бетонной стены. Команда застонала.

— Просто пасуй мне! — приказал Волков, оказываясь рядом. Он был выше меня на полголовы, и его тень полностью накрыла меня.

Следующий мяч я уже не пыталась отбить сама. Я просто подпрыгнула и толкнула его в сторону Волкова. Тот принял

его идеально и тут же отправил мощным ударом на сторону противника. Мяч ударился о руки Морозова и ушел в аут.

— Один-один! — объявил судья.

Снова подача. Мяч летит ко мне. На этот раз я не паниковала. Я согнула колени, как учили когда-то в детстве, и встретила мяч основанием ладоней. Удар получился глухим, но точным. Мяч полетел ровно туда, где стоял Волков.

— Вот так! — одобрительно кивнул он.

Игра закипела. Я начала чувствовать ритм. Прыжки, удары, крики команды слились в единый гул. Мы сравняли счет. И тут я увидела лицо Максима. Его самоуверенная ухмылка исчезла, уступив место сосредоточенному прищуру. Он посмотрел прямо на меня, а затем на Волкова.

— Волков! — крикнул он так громко, что перекрыл шум спортзала. — Смени девчонку! Она сейчас все испортит своей неуклюжестью!

В зале повисла тишина. Все взгляды устремились на нас. Я замерла. Это было прямое унижение при всех.

Волков повернулся ко мне. В его глазах промелькнуло что-то похожее на сомнение.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Я не могла позволить ему меня выгнать. Не после слов Морозова.

— Макс! — мой голос прозвучал неожиданно громко и звонко в наступившей тишине. — Если ты такой крутой капитан, забери мяч сам! Или боишься?

Волков усмехнулся уголком губ.

— Она остается, — бросил он Морозову и повернулся ко мне: — Держи зону.

Мяч снова был в игре. Теперь я играла не просто за команду или против двойки в журнале. Я играла против Максима лично. И когда очередной мяч летел на нашу сторону по сложной траектории, я сделала то, чего от меня никто не ждал: я нырнула рыбкой на пол.

Падение было жестким, воздух вышибло из легких, но мои пальцы коснулись мяча раньше, чем он коснулся пола.

— Касание! Играем! — взревел учитель.

Волков мгновенно подхватил мяч и отправил его в пустое место на стороне противника. Мы выиграли очко.

Я поднялась с пола, отряхивая колени. Вся команда смотрела на меня с удивлением . Даже Олег Тимурович одобрительно хмыкнул. От серьезного взгляда Максима на душе стало неожиданно приятно.

Игра закончилась нашей победой с минимальным перевесом. Когда мы выходили из душевой, Волков догнал меня в коридоре.

— Неплохой нырок для той, кто не хотел играть, — сказал он без тени насмешки.

— У каждого свои скрытые таланты, — парировала я.

Он кивнул и пошел дальше своей дорогой.

Я прислонилась к стене, чувствуя приятную усталость во всем теле.

Уже на выходе из школы я неожиданно вспомнила про

забытую книгу, оставленную в ящике парты. Недовольно вздохнув, я развернулась и зашагала обратно к классу.

— Эй! — я метнулась к своей парте, увидев рядом с ней блондина.

Он развернулся ко мне, и я вскинула удивленно брови. В одной руке Максим

держал тряпку, в другой — бутылку с каким-то средством.

— Ты... — я запнулась, с трудом веря своим глазам. — Ты отмыл мою парту?

— Да, — бросил он мне.

— Но почему?

Его темные брови немного нахмурились, голубые глаза скользнули по мне из-под длинных, черных ресниц.

— Жалко тебя стало, Синицина.

Голос прозвучал высокомерно, а мою фамилию он выделил особенно неприятным тоном. Я почувствовала, как внутри закипает гнев. Сделав несколько решительных шагов, я оказалась вплотную к Морозову. Он был на голову выше меня, поэтому пришлось приподняться на носочки, чтобы хотя бы немного поравняться с ним и не смотреть снизу вверх.

— Прибереги жалость для себя, она тебе нужнее.

— И это твоя благодарность? — он склонил голову так близко, что я почувствовала на щеке его ментоловое дыхание.

Растерявшись от такой наглости, я машинально толкнула

его ладонью в грудь и направилась к выходу, но его голос заставил меня остановиться:

— Ты разве не за этим пришла?

Глубоко вздохнув, я развернулась. В руке Морозов держал мою книгу.

— Уже нет, — мотнув головой, я вышла из класса.

Я была готова лишиться всех своих вещей, лишь бы не находиться лишнюю минуту в одном помещении с этим невыносимым типом.

Дождь уже набирал обороты, когда я выскочила на крыльцо школы. Отец должен был подъехать к центральным воротам. Я быстрым шагом направилась к выходу, но нашей машины не было. Накинув капюшон, я стала звонить папе. Его номер был занят. Куртка быстро намокала, а телефон от капель перестал реагировать на касания. Услышав рокот подъезжающей машины, я с надеждой подняла голову. В этот самый момент волна грязной воды из-под колес окатила меня с ног до головы. За тонированным стеклом промелькнуло довольное лицо Мироновой, и машина скрылась за поворотом. Злость начала растекаться по телу вязкой волной. И как назло, именно в этот момент из-за угла наконец появилась машина отца. Как же вовремя!

— Прости, — окидывая меня серьезным взглядом, сказал папа. – Не думал, что совещание так затянется.

Я села в машину, чувствуя, как тепло салона окутывает меня и начинает греть.

— Мог бы предупредить.

— Я извинился, — сердито ответил отец.

От его сердитого тона в горле появился неприятный ком. Пожалуй, единственный кого я боюсь, является отец. Он с легкостью впадал в бешенство и всю свою агрессию направлял на нас с мамой. Когда маму отправили на принудительное лечение от наркозависимости, агрессия стала нарастать как снежный ком и обрушиваться всей тяжестью на мои хрупкие плечи. Отца я боялась, как огня. Достаточно было строго взгляда, что бы моя душа замерла.

До дома мы ехали молча. Ужинали так же в тишине. Не было вопросов о моем первом дне, о моих друзьях и моих делах. Мы разошлись по комнатам, и оставшийся день я провела за уроками, чтением и рисованием.

Вечерний город уже укутался в мягкие сумерки, когда я, убрав волосы под бейсболку и, переодевшись в свободный спортивный костюм, решила выйти на пробежку. Воздух был свеж и прозрачен, а на ближайшей площадке, залитой теплым светом фонарей, царила почти полная тишина. Мое внимание упало на знакомый тренажер для качания пресса и, начав поднимать корпус, я полностью погрузилась в свои мысли. Спорт был моей отдушиной. Он помогал привести мысли в порядок, снять напряжение, накопленное в течение дня. Особенно, если день был настолько скверным, как сегодня.

— Эй, малой, освободи турник взрослым, — знакомый

голос вывел меня из размышлений, я поднялась на ноги и выпрямилась.

— Какой я тебе малой? – возмущенно ответила я, глядя в наглые голубые глаза.

— Птица, это ты что ли? – Морозов открыто рассмеялся и окинул меня взглядом.

— У меня вообще-то есть имя! – подойдя к Максиму, я сердито взглянула в его глаза. В них читалась открытая насмешка.

— Ладно, — Максим слегка наклонил голову ко мне. – Не смотря на всю твою пацанскую наружность, скамья для пресса не для тебя. Хватит баловаться с железяками. Песочница в полном твоем распоряжении. А это оставь тем, кто действительно умеет им пользоваться.

Внутри все вспыхнуло. Мой взгляд упал на бутылку с водой, которую Максим держал в руке. Недолго думая, я выхватила ее и, открутив крышку, выплеснула содержимое в Морозова.

— Что ты делаешь?!

Максим вскинул руки, удивленно моргая.

— Охлаждаю твой тестерон.

Не дожидаясь ответной реакции, я бросила бутылку и побежала в сторону своего дома, чувствуя легкое удовлетворение от своего неправильного поступка.

Домой я вернулась в приподнятом настроении, несмотря на внутреннюю злость на Морозова. Приняв ванную, я взя-

ла наушники и включила на полную музыку, стараясь заглушить надоедливые мысли в голове. В сон я провалилась под кричащий металл в наушниках.

Глава 2. Две стороны одной пощечины.

Я шагнула в прохладный холл школы. Второй день — все еще непривычно, все еще некомфортно. Едва я успела снять куртку, как услышала знакомый голос с легкой хрипотцой.

— Привет, — Глеб посмотрел на мои ноги. – В нашей школе действует одно из самых глупых правил. С марта по май учащиеся обязаны носить с собой сменку. Без нее директриса приказала никого не пускать. На этой неделе я за этим слежу.

Я удивленно приподняла бровь:

— Но вчера меня никто не остановил.

Глеб усмехнулся, чуть склонив голову:

— Забыла? Я прогулял вчера утренние занятия, поэтому вход никто не контролировал — признался он с легкой прямотой.

Я растерянно посмотрела на свою обувь, а потом на Глеба.

— Не парься, можешь проходить так, — он заговорщески улыбнулся. — Постарайся больше не забывать. Здесь не все такие добрые.

— Спасибо! — на моем лице появилась благодарная улыбка.

Улыбаясь, Глеб хотел было что-то сказать, но на горизонте

появилась Миронова со своей свитой. Следом шел Максим с друзьями.

— Леонов, — обратилась она к Глебу. – Будь осторожен, общаясь с этой. Возможен риск бешенства.

— Что ты сказала?! – я бросилась в сторону брюнетки, но Глеб с силой сжал мою руку, останавливая меня.

Максим быстро оказался между мной и Мироновой. Скользнув по мне взглядом, он развернулся к Арине.

— Идем, — скомандовал он, схватив брюнетку за плечо.

— Макс, но я же только начала…— Миронова растеряно посмотрела на парня, а после на меня.

— Я сказал, идем. Нам не нужна драка с утра пораньше.

Бросив озлобленный взгляд в мою сторону, Арина поддалась вперед и зашагала вслед за Максимом, явно не довольная его решением. Вся их компания послушно последовала за ними.

— Зачем ты меня остановил? — наконец я одернула свою руку. – Все ее волосы вырвала бы…

— Аля, Максим прав, нам не нужна сейчас сцена.

— Научил бы он свою подружку манерам, тогда никаких бы сцен не было.

— Если бы Миронова была его подружкой, возможно, манеры ее были бы на высшем уровне, — Глеб пожал плечами. – А так, пока это только в ее мечтах. Может поэтому, она срывается на всех, кого видит.

Я опустила глаза, обдумывая сказанное. Да уж, Миронова

с Морозовым была бы идеальная пара.

— Кстати, у нас на большой перемене сходка. Мы будем играть в волейбол. Придешь за меня поболеть?

Я растерянно посмотрела на Глеба. Моя нелюбовь к спортивным играм была на максималках, но взгляд Глеба заставил меня улыбнуться и кивнуть:

— Конечно.

Как и обещала, после третьего урока, я направилась в сторону спортивного зала. Устроившись на скамейке у стены, я достала маленький блокнотик и карандаш. Решив запечатлеть свои мысли, я уткнулась в листок. Игра шла своим чередом. Мяч со свистом перелетал через сетку, парни азартно спорили о счете, а я, уткнувшись в экран, лишь изредка поднимала голову. В какой-то момент я так увлеклась чтением, что не заметила, как игра переместилась ближе к краю площадки.

Внезапно раздался глухой удар. Пущенный мяч, срикошетил от чьей-то ладони и на полной скорости угодил мне прямо в затылок. Блокнот выскользнул из рук и упал на пол.

— Птица, живая?

Я резко вскочила, прижимая руку к голове, и столкнулась взглядом с Максимом. Ну конечно, опять Морозов. Я хотела уже начать высказывать все, что думаю о нем, но слова застряли в горле. Максим стоял по ту сторону сетки и обеспокоенно смотрел на меня. В его глазах не было ни насмешки, ни ехидства — только искреннее раскаяние и испуг. Он уже

сделал шаг вперед, явно собираясь извиниться, но замер.

Глеб, перепрыгнув ограждение, первым подбежал ко мне:

— Аль, ты как? Сильно больно? Дай посмотрю!

Но я даже не услышала его. Я смотрела только на Максима, на его побледневшее лицо. Мир вокруг словно замедлился: крики друзей, стук мяча — все стихло. Какое-то время мы глядели друг другу в глаза.

— Аля? – Глеб коснулся моего плеча и я, очнувшись, замотала головой.

— Все нормально, — я подняла блокнотик и растерянно посмотрела на Леонова. – Если ты не против, я пойду в класс. Думаю, с меня на сегодня достаточно волейбола.

— Тебя проводить? — в его черных глазах играло неподдельное волнение.

— Нет, все, действительно, нормально.

Я быстро вышла из зала. Удар был слишком сильным, или я действительно разглядела сожаление в глазах Максима?

Через полчаса прозвенел звонок и в класс стали лениво подтягиваться одноклассники. Каждый разговаривал о чем-то своем, изредка бросая на меня взгляды. Заводить дружбу у меня не было желания, поэтому я была рада косым взглядам в мою сторону.

— Как ты себя чувствуешь?

Глеб склонился над моей партой, приблизив свое лицо ко мне. Я почувствовала едва уловимый запах его крепкого парфюма и тепло дыхания. Мне стало не по себе от такой бли-

зости, по спине пробежал холодок. Стараясь скрыть смущение, я натянуто улыбнулась и ответила ровным голосом:

— Нормально, — я слегка отодвинула стул назад, увеличивая дистанцию между собой и Глебом.

Мимо нас медленно прошел Морозов. Поравнявшись с Глебом, Максим небрежно толкнул его плечом и с усмешкой бросил:

— Леонов, ты че прилип к парте?

Глеб резко выпрямился. Не говоря ни слова, он схватил Максима за рукав, сжав ткань так сильно, что костяшки пальцев побелели. В классе мгновенно повисло напряжение — казалось, даже воздух стал густым и тяжелым. Парни замерли друг напротив друга. Я вскочила с места, собираясь вмешаться, но не успела. В этот момент дверь класса распахнулась. На пороге появился учитель — его строгий взгляд мгновенно оценил ситуацию. В повисшей тишине его голос звучал громко и строго:

— Что здесь происходит?

Максим оттолкнул Леонов и, окинув его холодным взглядом, опустился за парту.

— Глеб, — прошептала умоляюще я.

Мой голов вывел Леонова из ступора, он сел за парту. Я следом опустилась на свое место, будто бы между двумя раскаленными снарядами.

Звонок, возвещающий об окончании урока, прозвенел неожиданно громко. В классе тут же поднялся привычный

гул: кто-то спешно собирал тетради в рюкзак, кто-то уже обсуждал планы на перемену, а кто-то просто с облегчением откидывался на спинку стула, чувствуя, как уходит усталость. В этот момент дверь приоткрылась, и в проеме показалась знакомая фигура классной руководительницы. Она обвела класс внимательным взглядом и, дождавшись полной тишины, улыбнулась.

— Ребята, у меня для вас новость, — ее голос прозвучал мягко, но отчетливо. — Ваш класс с параллельным, отправляется на экскурсию. Так как в пятницу первый день весны и будет выходной, на экскурсию мы отправимся в четверг. Подробности я расскажу чуть позже, а пока — готовьтесь. Будет интересно.

Дверь за ней закрылась, но новость уже повисла в воздухе.

— Чувствую, будет весело, — произнес Глеб, изогнув бровь в ухмылке.

— Это уж точно, — я слабо улыбнулась.

Остаток учебного дня прошел на удивление спокойно. Глеб не отходил от меня ни на шаг, словно взяв негласное шефство. Мы болтали обо всем и ни о чем: он рассказывал смешные истории из своей жизни, я делилась впечатлениями о новой школе. Максим, который еще утром сверлил меня взглядом, больше не подходил, и его отсутствие ощущалось как странное затишье перед бурей.

Когда мы вышли на крыльцо школы, где уже толпились расходящиеся ученики, Глеб остановился.

— Ну что, я провожу тебя до дома? — предложил Глеб, закидывая рюкзак на плечо.

Я покачала головой:

— Спасибо, но не стоит. Меня всегда забирает отец.

Не успела я договорить, как к школьным воротам плавно подъехал черный внедорожник. Окно опустилось, и я увидела строгое лицо отца.

— Садись, — коротко бросил он.

Я попрощалась с Глебом кивком и быстро юркнула на заднее сиденье, стараясь не встречаться с отцом взглядом. Машина тут же тронулась с места.

Какое-то время мы ехали молча. Тишина в салоне была тяжелой и давящей. Наконец отец нарушил ее, его голос прозвучал холодно и недовольно:

— Кто это был?

— Одноклассник, — не оборачивая, ответила я.

— Я запрещаю тебе с ним общаться.

Я вздрогнула и резко повернулась к нему.

— Что? Папа...

— Я видел его. Видел его вид. Это не та компания, которая тебе нужна.

Он единственный, кто...

— Мне все равно, кто он и что он сделал! — его голос гремел в замкнутом пространстве машины. — Ты слышишь меня? Я сказал: нет и точка. Если я узнаю, что ты продолжаешь с ним контактировать... будут последствия.

В горле появился ком от обиды и бессильной злости. Я ненавидела его ультиматумы и эту его слепую уверенность в своей правоте. Но спорить было бесполезно. Когда отец говорил таким тоном, это действительно была точка.

В пятницу, когда школьная неделя уже почти растворилась в предвкушении выходных, Рината Кирилловна, повела нас на экскурсию в Третьяковскую галерею. Утро выдалось по-весеннему свежим. Перед величественным фасадом галереи группа остановилась. Учительница пересчитывала учеников по списку, а ребята разбились на небольшие компании.

Мы с Глебом остановились недалеко от компании школьной "элиты" в лице Максима и Арины. Миронова с подругами, каждые пять минут делала селфи на фоне галереи и периодичностью пыталась увлечь в это занятие Максима.

— Мне здесь скучно, — Глеб неожиданно схватил меня за руку и направился через группу к углу здания.

Спрятавшись за зданием, Глеб достал из кармана куртки пачку сигарет и протянул мне. Я помотала головой, отказываясь.

— Глеб, — мой голос звучал тихо. – Нам стоит вернуться.

Парень усмехнулся, закуривая сигарету. Он выпустил струйку дыма, в воздухе неприятно запахло табаком.

— Предлагаю не тратить время на глупости. Тут неподалеку есть отличный бар, мой знакомый сделает нам любую горячую смесь по нашему желанию.

— Я не уверенна, что это хорошая идея...— опустив взгляд, я сделала маленький шаг назад.

— Да ладно тебе. Я был в этой галереи с матерью. Все скучно и однообразно, ты ничего не теряешь. Зато в баре...

Глеб резко замолчал и нахмурился. Его черные глаза блеснули сквозь меня.

— Птица, продымишь себе репутацию, — послышался голос Максима.

Он встал рядом со мной, не сводя хмурого взгляда с Глеба.

— Какое тебе дело до моей репутации? И у меня есть имя!

Но Максим даже не взглянул в мою сторону. Все его внимание было сосредоточено в

сторону Леонова.

— Что тебе надо, Макс? — недовольный тон Глеба звучал необычно низко.

Он стряхнул пепел и сделал новую затяжку, выпуская струйку дыма в воздух.

— Мне ничего, — переменившись в лице, Максим посмотрел на меня. — Наша группа планирует заходить в галерею. Ты идешь?

Я растерянно посмотрела на Глеба, а после перевела взгляд на Морозова.

— Ты из-за этого сюда пришел? – искренне удивляясь, спросила я.

— Рината Кирилловна, будет составлять списки по окончанию экскурсии, — проигнорировав мой вопрос начал Максим. — Возможно, если вас в списках не окажется, сообщат вашим родителям.

— Плевать, — вмешался Глеб.

Он бросил окурок в рядом стоящую урну и посмотрел на меня.

— Аля, ну ты как, идешь со мной?

Одна мысль о доносе отцу вызвала у меня в настоящий страх. Лицо разгневанного папы промелькнуло у меня перед глазами, я испуганно замотала головой. Рыжие кудри упали мне на лицо.

— Нет, Глеб, иди без меня, — я попятилась назад.

— Ты уверена?

— Да.

Максим ухмыльнулся и, развернувшись, зашагал в сторону группы. Извинившись перед Глебом, я последовала следом.

Леонов был прав, экскурсия выдалась невероятно скучной. Максим с Мироновой не обращали на меня внимания, чему я была невероятно рада. По окончанию нашей поездки, Рината Кирилловна отметила в журнале тех, кто отсутствовал. Она не удивилась исчезновению Глеба, лишь устало вздохнула.

Я стояла у школьных ворот в ожидании отца, который вновь задерживался.

— Птица, крылья отморозить не боишься? Могу подвезти, — подойдя ко мне, Максим театрально начал крутить ключами на пальце.

Глаза Морозова удивленно раскрылись, когда я сделала шаг к нему. Легким взмахом руки, я выбила ключи из его рук. Они с гулом отлетели на асфальт.

— Синицина, я тебе помочь хотел! — начал он возмущенно.

— Себе помоги! — бросила я, не собираясь больше его слушать, — И я — Аля!

Я подошла ближе к центральным воротам, в надежде увидеть отца, но чуда не случилось.

Через десять минут ожиданий, отец прислал мне смс: «Забрать не получается, возьми такси». Коротко, без лишних эмоций. В духе моего папы. Такси пришло быстро. В салоне пахло кожей, водитель на счастье был молчалив. Домой я попала через пятнадцать минут спокойной поездки. Дверь закрылась, и я вновь почувствовала себя в собственном аду.

Отец стоял посреди гостиной, мрачно встречая меня взглядом. Внизу живота появился неприятный ком волнения, легкая тошнота подступила к горлу.

— Я проверил электронный дневник… — отец сделал мне навстречу шаг, и я машинально отступила, уперевшись в дверь. – Аля, первый день в школе и уже тройка

по математике.

— Пап…

— Неделя прошла! – перебил меня отец и внутри меня все сжалось. – Что ты сделала, что бы исправить эту оценку за неделю?

Он наступал. Тихими и медленными шагами, будто бы растягивая момент перед прыжком.

— Ты понятия не имеешь, сколько мне стоило труда тебя перевести в эту школу перед экзаменами. И сколько мне пришлось заплатить, что бы скрыть твой поступок в прошлой школе!

Приблизившись в плотную, отец резко вскинул руку и дал мне пощечину. Раздался глухой звук, щека мгновенно вспыхнула. В душе появилась сжигающая нутро обида. На глазах выступили слезы, которые я, силясь, сдерживала.

— Неблагодарная, как твоя мать, — бросил мне отец, разворачиваясь и проходя в сторону кухни.

Подойдя к бару, он достал бутылку темного напитка.

— Даю тебе неделю исправиться. В выходные сидишь дома. Уходи.

Все еще держась за щеку, я побежала к себе в комнату. Слезам я дала волю лишь, когда закрыла дверь своей комнаты. Упав на кровать, я тихо, еле слышно расплакалась. Отец не любил, когда я начинала проявлять чувства. Будь то слезы или проявление любви. Его это всегда раздражало, а в особо острых моментах выводило из себя. В последний раз, когда я расплакалась от звонкой пощечины, он покрыл все мое те-

ло синяками. Открытые участки кожи, которые были на виду, отец обходил стороной, всегда целясь по бедрам, спине, животу…Слезы продолжали меня душит. Мне нужно переждать этот вечер и обида угаснет, щека перестанет гореть, а отец успокоится. Лишь только вечер пережить. И выжить эти выходные.

Глава 3. Мята и ваниль.

После довольно мрачных выходных, я с подобающим настроением вошла в здание «Гранд-Лицей». Не смотря на начало мая, погода соответствовала моему настроению. Серость обволокло небо, не давая и шанса на просвет солнечных лучей. Как только моя нога переступила порог школы, я увидела Морозова.

— Ай-яй-яй, — Макс вытянул передо мной руку, загораживая проход.

— Чего тебе? — пробубнила я, понимая, что сегодня желания пререкаться, у меня нет.

— Я не заметил, что бы ты переобулась, — на его лице появилась кривая улыбка, а в недоумении посмотрела на свою обувь.

— "Сменка! — пронеслась раздраженная мысль в голове. — Да кто ее носит каждый день!"

— Я ее забыла, — призналась я, вздыхая. — Но мне некогда за ней возвращаться.

— Очень, очень жаль. Ничего поделать не могу, — Макс постучал пальцем по значку, прикрепленному на грудном кармашке пиджака. — Такие правила, пташка.

— Какая я тебе пташка?! — не выдержала я его надменного тона. — А ну, пропусти!

Я резко рванула вперед, но Максим схватил меня, заключив в объятия. Он с удивительной легкостью поднял мое тело над полом и понес к выходу. Я запыхтела, пытаясь вырваться из его рук. Злость кипела в каждой клеточке тела.

— Не заставляй меня вызывать директора, — усмехнулся Морозов, поставив меня у выхода.

Мимо нас прошла компания с которой Макс поздоровался.

— А как же их сменка? – мой тон повысился от нахлынувшей несправедливости. — Или правила распространяются только на меня?

Максим склонил голову ко мне и негромко произнес:

— Для такой малышки, у тебя слишком завышенная мания величия, птица.

Я резко толкнула его в грудь и, нахмурив брови, посмотрела, как Максим расплывается в довольной улыбке.

— Аля, — сжимая кулаки, произнесла я. — Меня зовут, Аля.

Я развернулась и вышла из здания школы.

— Привет!

Я подняла хмурый взгляд. Мне на встречу шел Глеб. При виде меня он улыбнулся.

— Привет.

— Решила сбежать от уроков?

— Скажем так, мне устроили сегодня внеплановый выходной.

— Давай вместе прогуляем? Я знаю одно место, где нас никто не найдет, – его темные глаза сузились.

Я, поколебавшись лишь мгновение, кивнула. Посмотрев через плечо на школу, я увидела Морозова. Он стоял на входе, скрестив руки на груди, внимательно смотрел в нашу сторону.

— Почему бы и нет, — кивнув повторно головой, я слабо улыбнулась.

Я понимала, прогуляв уроки, дома меня ждет очередной скандал с отцом, который, возможно, без побоев не останется. Но мне ли привыкать?

Глеб расплылся в улыбке и, проследив за моим взглядом, махнул рукой Максу. Тот ничего не ответив, вернулся в школу. А мы направились в сторону центральных ворот.

— Как твои родители отнесутся к прогулу? — неожиданно спросил Глеб. — Им скорее

всего сообщат о твоей пропаже.

Мы шли по набережной нашего города. От воды исходил пронизывающий холод. По моему позвоночнику прошелся неприятный озноб, когда я представила реакцию отца на мое отсутствие в школе. В горле образовался комок.

— Отец, скорее всего, будет в гневе, — прочистив горло, ответила я. Не желая продолжать тему, добавила. — Мы

идем куда-то в определенное место, или просто гуляем?

В черных глазах Глеба появился опасный блеск.

— Тебе повезло, — с лукавой улыбкой, ответил Глеб. — Сегодня понедельник, а значит время взрослых игр.

Я вопросительно вскинула брови, чувствуя непонятное волнение глубоко внутри.

Мы шли по окраине города, мимо ржавых гаражей и пустырей, пока не остановились у высокого бетонного забора. За ним возвышался заброшенный завод. Ветер гонял по растрескавшемуся асфальту обрывки газет и легкий мусор. Глеб уверенно толкнул старую калитку, и та со скрипом поддалась.

Внутри царила мертвая тишина, нарушаемая лишь эхом наших шагов. Пахло сыростью и ржавчиной. Я поежилась, крепче сжимая лямку рюкзака.

— Глеб, может, не стоит? — тихо спросила я, но парень лишь улыбнулся и взял меня за руку.

Внезапно из глубины цеха донесся гулкий смех и звон стекла. Я вздрогнула. Из-за штабеля старых досок вышли несколько человек. Они были заметно старше Глеба и меня, их одежда — мешковатые джинсы, потертые кожаные куртки, массивные ботинки — выдавала в них компанию неформалов. В руках у них были банки с газировкой или чем-то покрепче.

— О, Глеб! — крикнул высокий парень с взъерошенными волосами. — А мы уже думали, ты заблудился.

Глеб шагнул вперед, пытаясь приобнять меня за плечи, но я отошла в сторону.

— Знакомьтесь, это Аля. А это мои друзья: Алиса, Рита, Марк, Вадим и Костян.

Я кивнула в знак приветствия. Девушки — Алиса с ярко-розовыми прядями и Рита в тяжелых ботинках — окинули меня оценивающим взглядом. Парни, особенно Марк с его татуировками на руках и Вадим с пирсингом в брови, вели себя шумно и вызывающе. Они громко смеялись, перебрасывались шутками на грани фола и то и дело прикладывались к своим напиткам. Глеб закурил сигарету и сразу же вник в суть разговора, я же ощущала лишь себя чужой в этой компании, а заводской полумрак и запах гнили лишь усиливали мою тревогу. В голове билась одна мысль: «Нужно уходить отсюда».

— Глеб, — я осторожно потянула Леонова за рукав, пытаясь обратить на себя внимание. – Я ухожу.

Послышался недовольный свист со стороны его друзей.

— Аль, ты пропустишь самое интересное, — Глеб взял меня за руку и потянул в сторону компании. – Побудь со мной еще полчаса. Возможно, это будут самые незабываемые полчаса в твоей жизни.

— Хорошо, — выдохнула я. – Но только полчаса.

Глеб повел меня вниз по узкой лестнице, в сырой и темный подвал.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — Рита бросила

взволнованный взгляд в мою сторону. — Мы ее совсем не знаем, Дриф будет недоволен.

— Плевать, — ответил Глеб. — Ее знаю я, этого достаточно.

От его слов мне стало необычно приятно, но часть моей души тревожилась от непонимания, куда мы все идем, и что меня ждет.

Дверь в подвал закрылась, мы оказались в темном помещении. Воздух здесь был густым, пропитанным запахом сырости и чего-то металлического. Марк прошел вперед и ударил ногой по большой и металлической двери.

— Голодный заяц не кусает, — произнес он громко и отчетливо.

Дверь с грохотом открылась. За ней стоял огромный мужчина, с сердитым лицом. Он посмотрел на нас и его взгляд задержался на мне.

— Она со мной, — твердо сказал Леонов и, взяв меня за руку, сделал шаг вперед.

Несколько секунд для меня показались целой вечностью. Здоровяк молча отступил в сторону, пропуская нас внутрь.

В полумраке подвала раздавались глухие удары, хриплые крики и азартный ропот толпы. Компания, с которой мы пришли, разошлась по сторонам. К нам подошел худощавый парень с цепким взглядом:

— Глеб, сегодня твой выход? — спросил он, кивнув в сторону ринга.

— Сегодня я зритель, — усмехнулся Глеб, крепче сжимая мою руку.

Я подняла глаза и увидела все: потные тела, кровь на дощатом полу, искаженные лица мужчин и жадные взгляды зрителей. Страх ледяной волной прокатился по спине. Я дернулась назад, но Глеб удержал меня, прошептав:

— Аля, полчаса… — он потянул меня в сторону барной стойки. – Что ты будешь?

— Ничего, – хмуро осматриваясь, я заметила, как в нашу сторону идет мужчина.

Леонов не успел сделать заказ, как к нам подошедший мужчина, с тяжелым взглядом и шрамом, пересекающим бровь, кивнул Глебу в сторону. Глеб, чуть помедлив, последовал за ним в сторону, оставив меня одну среди чужих лиц.

Я стояла, чувствуя, как холодный воздух подвала пробирает до костей. Внезапно на мою талию легла крепкая рука. В груди все сжалось, дыхание перехватило, а мысли спутались. Я попыталась сохранить самообладание, говорить твердо, но внутри ощущала панику и беспомощность.

— Эй, отпусти! — резко бросила я, но мужчина лишь усмехнулся, притянув меня ближе.

Мои попытки вырваться лишь позабавили его. В нос ударил неприятный запах спиртного и табака. Я ощутила, как страх ледяной волной прокатился по спине.

Глеб появился неожиданно близко. Его взгляд был холодным и жестким. Увидев Леонова, мужчина тут же отпустил

меня, пробормотал извинения и быстро скрылся в толпе. Леонов смотрел на меня взволнованно, будто бы пытаясь понять мое состояние.

— Прости, — его голос звучал хрипло и низко. – Мне не стоило оставлять тебя одну.

— Глеб, что это за место?

— Это мое хобби, — он пожал плечом, доставая пачку сигарет. — Кажется, стоило тебя предупредить сначала.

— Нет, не кажется!

Я развернулась и направилась в сторону выхода, доставая телефон, что бы вызвать такси.

— Аля, постой, — Глеб попытался схватить меня за локоть, но я отдернула руку.

— Я хочу домой, — запротестовала я. – Я больше ни минуты здесь не останусь.

— Хорошо, — Глеб убрал обратно пачку сигарет, так и не закурив, и стал что-то набирать в смартфоне. – Я сейчас вызову такси, по дороге домой поговорим.

Он схватил меня за руку и повел через толпу отдыхающих. Приглушенные удары с ринга и крики толпы стали отдаляться, а впереди появился свет, исходящий от дневного солнца. Я облегченно вздохнула, когда мы, наконец, вышли на улицу и, вырвала свою ладонь из руки Леонова.

Когда машина приехала, я с облегчением забралась в салон. Теплый воздух расслаблял, медленная музыка успокаивала. Мы назвали два адреса: первый адрес моего дома, вто-

рой, видимо, Глеба.

— Зачем ты этим занимаешься? – я первая нарушила тишину. – У тебя есть запасная жизнь?

— Если бы ты осталась хотя бы на один бой, то поняла бы, как это затягивает.

— Затягивает что? – я развернула корпус тела в сторону Глеба. – Боль?

Я всю жизнь испытывала страх перед болью. Мои родители научили меня бояться ее. Сначала душевную боль мне причиняла мама, а потом – физическую боль причинял отец. И у меня в голове не укладывалось, как кто-то по собственному желанию, может хотеть боли.

— Боль заставляет себя чувствовать живым. И помогает отвлечься от настоящих проблем.

— В ней нет ничего хорошего, что бы делать ее своим хобби, — я отвернулась, вглядываясь в окно.

— Эх, Аля, — вздохнул Глеб, в его голосе слышалась нотка улыбки. – Ты еще слишком маленькая, что бы понять, что боль – это неотъемлемая часть нашей жизни. Она учит любить жизнь.

Я хотела возразить, но лишь резко махнула головой в знак несогласия. Рыжие пряди упали на лицо. Возможно, Глеб был прав, но его правда до меня пока не доходила. Как только отец узнает о моем прогуле, он вновь поднимет руку и боли будет не избежать. В такие моменты, мне меньше всего хочется любить жизнь. А если быть честным, то душа моя на

время боли просто умирает.

Максим.

Я приехал на площадку, где будто бы вчера, меня, из моей же бутылки, окатила водой Аля. Эта площадка находилась далеко от моего дома, но именно в тот вечер мне хотелось уйти подальше от места, где было невыносимо оставаться. Становиться ощутимо больно, когда родные стены дома становятся пыточной камерой. Я потер лицо руками, прогоняя от себя нахлынувшие воспоминания о прошедшей неделе. На этот раз, не заходя домой, я сразу пришел сюда, сам не признаваясь себе, что ищу здесь Алю. Это место притягивало меня снова и снова.

Я не мог объяснить, почему ее сердитое лицо так запало мне в душу, почему ее злость казалась мне забавной, а желание вывести ее на эмоции — почти навязчивой идеей.

Тихо вздохнув, я скинул пиджак, закатал рукава рубашки и подошел к турнику и начал подтягиваться, стараясь отвлечься от мыслей о ней. Но даже ритмичные движения не помогали: в голове все время всплывал ее образ — нахмуренные брови, упрямый взгляд голубых глаз, чуть поджатые губы и россыпь веснушек. Я усмехнулся сам себе, спрыгнул и подошел к тренажеру, чтобы качать пресс. Воздух был свежим, тучи постепенно уступали место слабым лучам солнца, а площадка пустела.

Я не понимал, почему именно ее реакция так цепляла. Может, потому что Аля никогда не была похожа на других

— была прямолинейна, не искала одобрения, а всегда оставалась собой. Эта ее независимость и злила, и притягивала одновременно.

Я поднялся, отряхнул ладони и снова огляделся по сторонам. Момент, когда она уходит с Леоновым из школы всплыл перед глазами. Мне стало невыносимо противно от себя.

«Сам виноват, — начала мысленно ругать себя я. – Перегнул палку. Она бы ни за что не вернулась бы в школу. И дело не в Леонове, а в характере. Мне бы в это хотелось верить».

Побродив по площадке еще полчаса, я вернулся к мотоциклу и завел двигатель.

«Постарайся завтра ничего не испортить, — подумал я, выруливая на дорогу. – Не подталкивай ее к Леонову, только не к нему».

Утро для меня началось с гнетущей тишины пустой квартиры. В просторных комнатах, обставленных дорогой, царил полумрак. Моя мать, как обычно, еще не проснулась — дверь в ее спальню была плотно закрыта, и из-за нее не доносилось ни звука. Отец, судя по всему, и вовсе не возвращался домой, поглощенный бесконечными переговорами и сделками, которые были важнее семьи.

Я молча прошел на кухню, на ходу заправляя рубашку в брюки. Завтракать не хотелось.

Взяв ключи от своего байка — единственного, что принадлежало мне безраздельно, — я вышел на улицу. Прохладный воздух немного отрезвил. Рев мотора разорвал утрен-

нюю тишину элитного района, и я рванул с места, оставляя за собой шлейф пыли и раздражения.

В школе я чувствовал себя как в клетке. Коридоры гудели привычной суетой, но для меня все это было лишь фоном. Все утро мой взгляд искал ее.

И вот я увидел ее. Аля шла по коридору.

— Синицина.

Я не кричал, но мой голос, низкий и с хрипотцой, прорезал школьный гул, заставив ее обернуться. Она увидела меня и тут же закатила глаза.

— Да что тебе еще нужно, Морозов? Я сменила обувь, — она демонстративно подняла ногу, указывая на белый кроссовок.

Оттолкнувшись от стены, у которой стоял, я в несколько широких шагов нагнал ее, игнорируя любопытные взгляды. Моя рука метнулась вперед и с силой впечатала ладонь в шкафчик рядом с ее головой, преграждая путь. Вся эта ситуация с Леоновым бесила меня до дрожи. Аля вздрогнула от неожиданности. Ее голубые глаза устремились на меня, в них вспыхнул огонь, который заставлял мое нутро искриться.

— Я вчера тебя куда отправил? — мой голос прозвучал глухо.

— Куда?

— За сменкой. А не тереться с Леоновым!

Аля втянула воздух, ее глаза опасно сверкнули. Она вста-

ла на цыпочки, пытаясь казаться выше. Смешно.

— Мои отношения с Глебом никого не касаются, — прошипела она. — Особенно тебя.

Я усмехнулся.

— Птица, до личной жизни нужно дорасти. А ты до меня-то допрыгнуть не можешь.

Ее щеки вспыхнули. Появившийся румянец багровой краской распространился по лицу. Я поймал себя на мысли, что слишком долго смотрю на россыпь ее веснушек.

— До Глеба мне и прыгать не надо. В отличие от тебя, он спускается с небес на землю. Для меня.

Я почувствовал, как внутри все сжимается от злости. Она била по больному, даже не понимая этого. Я наклонился к ней ниже, понизив голос до шепота, чтобы слышала только она:

— Еще бы, у Леонова пунктик на малолеток.

Ее лицо на мгновение застыло. Воздух между нами сгустился. А потом она сделала то, чего я никак не ожидал. Ее колено взметнулось вверх с молниеносной скоростью. Удар был точным и болезненным. Я согнулся пополам, хватая ртом воздух. Вокруг раздались приглушенные смешки. Сука.

Собрав все силы, я выпрямился, глядя на нее снизу вверх. Теперь в моих глазах не было и тени насмешки. Ее ухмылка сползла с лица. Сознание закричало: «Беги!». И она побежала.

— Стой! — хрипло крикнул я, выпрямляясь во весь рост.

Я нагнал ее у двери нашего класса. Она уже тянулась к ручке, когда я схватил ее за талию. Аля оказалась неожиданно легкой. Я просто приподнял ее и затащил внутрь, захлопнув дверь ногой и отрезая путь к отступлению.

Она закричала. Громко, пронзительно. Я действовал инстинктивно: ладонь метнулась к ее лицу, чтобы заглушить звук. Глупо. Ее зубы тут же впились в мою руку с силой, которой я от нее не ожидал. Я зашипел от боли и резко отпустил ее.

— Да что с тобой не так?! — прорычал я, глядя на красные следы укуса на тыльной стороне ладони.

— Затащил меня в класс и спрашиваешь, что со мной не так?! — она пятилась назад, пока не уперлась спиной в стену. Ее небесно-голубые глаза были огромными от страха и гнева. — Сделаешь шаг, и я выбью оставшееся твое мужское достоинство!

Я рванулся к ней. Она среагировала мгновенно — толкнула на меня парту. Дерево ударило по ногам, но я отбросил ее в сторону одним движением руки. В сторону полетели стулья. Она метнулась к выходу, но я был быстрее. Я перехватил ее у самой двери. Она резко вырвалась и тут дверь распахнулась сама собой.

Синицина с разбега врезалась в Ринату Кирилловну. Учительница рухнула на пол как подкошенная, бумаги разлетелись белым веером. Синицина упала сверху.

Тишина была оглушительной.

Рината Кирилловна поднялась первой. Ее лицо было красным от гнева. Она обвела взглядом разгромленный класс — разбросанные парты, опрокинутые стулья — и остановила свой взгляд на нас.

— Вы! — ее крик был подобен выстрелу. Она переводила бешеный взгляд с меня на Алю и обратно. — За мной!

В кабинете директора я стоял и слушал приговор, изредка бросая беглый взгляд на Алю.

— ...три дня совместного дежурства по школе.

Синицина рядом со мной шумно выдохнула, собираясь возразить, но директор оборвал ее жестом:

— Можете быть свободны.

Мы вышли из кабинета молча. Я смотрел ей в спину, пока она шла к классу. Хрупкая фигура, которая умудрилась превратить мой идеальный мир в руины за несколько дней.

Уборка прошла в звенящей тишине. Мы не сказали друг другу ни слова. Каждый думал о своем. Я — о том, что впервые за долгое время проиграл по-настоящему. И это бесило больше всего. Аля, погруженная в свои мысли, молча расставляла стулья. Я не мог оторвать от нее глаз. В ней было что-то завораживающее: огненно-рыжие локоны, небрежно спадающие на плечи, небесно-голубые глаза, которые сейчас были опущены, и россыпь солнечных веснушек на лице. Я поймал себя на мысли, что уже не помню, о чем думал минуту назад.

Внезапно тишину разорвал звонок. Я вздрогнул от неожиданности. Аля тоже вздрогнула и резко обернулась. Наши взгляды встретились всего на мгновение, но мне показалось, что время остановилось. В ее глазах я увидел не раздражение, а скорее растерянность, словно и она была выдернута из своих мыслей. Она тут же опустила глаза и, не сказав ни слова, быстро вышла из класса. «Макс, ну ты и придурок» - мелькнуло у меня в голове, когда я вышел следом за Птицей.

Аля.

Я зашла в школу, погруженная в свои мысли, и чуть не столкнулась с Глебом. Он стоял у входа, будто специально меня ждал.

— Глеб, ты появляться на утренних уроках? — я усмехнулась.

Он улыбнулся своей привычной, немного дерзкой улыбкой и пожал плечами:

— Ну, надо же когда-то браться за ум. К тому же, здесь есть ради чего приходить.

— Правильно, экзамены уже через полтора месяца… И они сами себя не сдадут.

Глеб задержал на мне взгляд, который в свете школьный ламп казались темнее.

— Аль, я хотел еще раз извиниться за…

Я подняла руку, понимая о чем идет речь:

— Не надо, ты хотел меня отвлечь. Просто… Такое времяпровождение не совсем для меня. За это не стоит изви-

няться.

Он улыбнулся, и мы вместе пошли к классу. Как только я открыла дверь, мой взгляд тут же наткнулся на Максима. Он облокотился на парту и о чем-то увлеченно разговаривал с одноклассниками. Как только он бросил взгляд на нас с Глебом, в его глазах появилась холодная усмешка.

— Слушай, Аля... — начал он, когда я подошла к своей парте. — Ты не забыла про ту книгу? Ну, которую ты мне на прошлой неделе одалживала? Я как раз хотел ее вернуть. Может, после уроков заглянешь в библиотеку? Поболтаем, чтобы не таскать лишний раз.

Я замерла искренне не понимая о какой книге идет речь.

— Не понимаю, о чем ты. Я тебе ничего не давала.

Максим опустил руку под парту и достал книгу Булгакову. Ту самую, которую я забыла на прошлой неделе в классе.

— Прочисти память, Синицина – усмехнулся он, поднимая книгу. - У тебя такой запоминающийся почерк на закладке... сердечко, кажется?

Глеб, стоявший рядом, мгновенно помрачнел. Его челюсть напряглась.

— Какой еще почерк? Какая закладка? — его голос прозвучал резко.

Максим посмотрел на него с наигранным удивлением, изогнув бровь:

— А, так ты не в курсе? Ну, бывает. Мы с Алей иногда... обмениваемся литературой. По учебе, конечно.

Он произнес это так обыденно, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся и давно привычном. Внутри меня все закипело от злости на Максима. Не помня себя, я сделала резкий шаг вперед, намереваясь выхватить книгу и прекратить этот фарс. Но Морозов оказался проворнее: он молниеносно вскинул руку с книгой вверх, и я невольно оказалась прижатой к нему, так близко, что почувствовала тонкий, едва уловимый аромат его парфюма.

Максим не собирался отступать. Он стоял неподвижно, и я замерла, растерявшись от такой внезапной близости. В этот момент между нами вклинился Глеб. С силой толкнув Максима в плечо, он выхватил у него книгу. Морозов лишь усмехнулся, не сводя с меня насмешливого взгляда.

— Спасибо, — тихо произнесла я, забирая книгу из рук Глеба, и зачем-то добавила, словно оправдываясь: — Я забыла ее в классе…

— Не парься, — Глеб постарался выдавить из себя улыбку. – Он тот еще провокатор…

В этот момент в класс вошла учительница, и разговор пришлось прекратить.

— Даааа, Синицина, — протянула Рината Кирилловна. — И куда тебя возьмут с такими познаниями.

Я стояла возле доски с законченным решением уравнения.

— Рината Кирилловна, я решила все верно, — мое возмущение начинало набирать обороты.

— Но каким путем, Аля? Это что за формула такая? — учительница ткнула указкой в доску на мое готовое решение.

— Ответ же сошелся!

— Все! — она раздраженно оборвала меня и села за стол, открыв журнал. — Вернись на место. Перестань выходить за рамки школьной программы!

— Пока что я выхожу за рамки вашего понимания, — не удержалась я и сразу пожалела о брошенной фразе.

— Синицина! Три! Садись.

Мое лицо вспыхнуло от возмущения. Я была уверенна, что оно сейчас окрасилось в цвет моих рыжих волос. Еле сдерживаюсь, я прошла к своей парте, и опустилась на стул. Через несколько минут, когда мой гнев стал отступать, до меня вернулось осознание произошедшего. Я не только не исправила оценку, но еще и получила опять тройку. Перед глазами появился разгневанный отец и щека неожиданно заныла. Я опустила голову на сложенные руки и вздохнула. Мое внимание больше не возвращалось к уроку. Все мысли были погружены лишь в решение, как избежать конфликта с отцом. Звонок прозвенел неожиданно громко.

— Прошу задержаться на минуту. – Рината Кирилловна обвела взглядом класс. — На вас ложится ответственность за подготовку актового зала к концерту ко Дню Победы. Нужно не просто убрать, а создать атмосферу — украсить сцену, сделать декорации. На подготовку актового зала у вас два

дня. После зал займут участники выступления. Актовый зал свободен для вас после уроков.

Одноклассники переглянулись, недовольно вздыхая. Я же обрадовалась, увидев в предложении, возможность отсрочить возвращение домой, а значит встречу с отцом. Достав смартфон, я бросила отцу смс, что доберусь домой сама, так как из-за подготовки к девятому маю, задержусь. Ответ пришел сразу. Судя по смс, отец лишь был рад.

— Чему ты так радуешься? – увидев мою улыбку, недоуменно спросил Глеб.

— Возможности, быть полезной школе, — с лукавой улыбкой ответила я.

— Прикалываешься? – усмехнулся он. – Ты действительно планируешь остаться?

Я молча кивнула головой, собирая тетради в рюкзак.

— Аль, давай лучше проведем это время с пользой для нас, — Глеб приблизился, на лице появилась зловещая улыбка. – У меня есть несколько предложений, от которых ты не сможешь отказаться…

— Нет, Глеб, — я обошла парня и направилась в сторону выхода. – Мне, действительно, интересно будет поучаствовать в подготовке к девятому мая.

— Лааадно, — протянул Леонов, догоняя меня. – Так уж и быть, я составлю тебе компанию. Вдруг, это действительно интересно.

— Возможно, — подходя к шкафчикам, я слегка улыбну-

лась.

После уроков наш класс направился в актовый зал. Сначала работа кипела: кто-то протирал пыль с тяжелых штор, кто-то развешивал на стенах заготовки для плакатов, кто-то раскладывал на полу цветную бумагу и краски. В воздухе запахло клеем и свежей гуашью, зазвучали смех и споры о том, где лучше разместить алые гвоздики и георгиевские ленты.

Но постепенно энтузиазм стал угасать. Один за другим ребята прощались и уходили домой — у кого-то тренировка, у кого-то дела. Зал пустел, а недоделанные декорации так и оставались лежать на стульях и полу. В конце концов, в зале осталась я, Морозов и Леонов.

Глеб стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на улицу с равнодушным видом. Он явно не горел желанием задерживаться, но почему-то не уходил — словно ждал чего-то или просто не мог оставить меня одну. Я сосредоточенно дорисовывала последний плакат, стараясь не обращать внимания на повисшую тишину.

— Птица, я закончил развешивать ленты. – Максим подошел ко мне, всматриваясь в нарисованный мной плакат. – Долго возиться будешь? Нам еще класс убирать.

— Я помню, — не поднимая головы, я продолжала вырисовывать линии на большом ватмане. – Можешь пока идти, как только закончу с плакатом, я к тебе присоединюсь.

Морозов бросил беглый взгляд в сторону Леонова.

— Мы быстрее освободимся, если ты начнешь убирать

класс, а не стоять у меня над душой, — я поднялась, и убрала непослушные пряди с лица.

— Хорошо, — с недовольной интонацией ответил Максим и вышел из зала.

Я потянулась, разминая затекшие ноги, и хотела опуститься обратно над плакатом, но Глеб неожиданно шагнул ко мне. Несколько больших шагов в мою сторону, и он оказался вплотную со мной. Его движения стали порывистыми и неожиданными. Глеб схватил меня за плечи и попытался притянуть к себе, явно намереваясь поцеловать. Я вздрогнула от неожиданности, уперлась ладонями ему в грудь и с силой оттолкнула его.

— Ты что творишь? — мой голос прозвучал резко.

Глеб отступил на шаг, его лицо исказила смесь обиды и злости. Он глубоко вздохнул и вдруг выпалил:

— Аля, ты мне понравилась, как только я увидел тебя. Заняла все мои мысли. Я тут из-за тебя остался...

Я посмотрела ему прямо в глаза, в них играли огоньки. Мое сердце с жалостью дрогнуло.

— Глеб, ты мне дорог, но как друг, — слова давались с трудом, я вырывала их из себя силой. — Между нами ничего другого быть не может.

Он сжал кулаки, бросил на меня последний взгляд, полный разочарования и досады, и, не сказав ни слова, развернулся и быстро вышел из зала, громко хлопнув дверью.

Я осталась одна посреди недоделанных декораций. В ти-

шине зала мое дыхание казалось особенно громким. Я поправила сбившийся плакат и тихо прошептала сама себе:

— Вот я и лишилась единственного друга.

Бросив плакат недорисованным, я вышла из акта и направилась в сторону нашего кабинета. В душе неприятно скреблись кошки, а перед взглядом застыли обиженные черные глаза.

Как только я вошла в класс, из размышлений меня вывел голос Максима.

— Особое приглашение ждешь?— буркнул он, поднимал стулья. – Или боишься корону уронить?

Я взяла подготовленную швабру и ведро с водой, решив сразу начать мыть полы.

— Когда ты уже от меня отстанешь? — ответила я, проходя мимо Морозова в конец класса.

— Птица, ты слишком высокого мнения о себе. Я к тебе и не приставал, — произнес Максим, перестав поднимать стулья, и с усмешкой посмотрел на меня. — Мужеподобные девчонки могут привлечь только таких, как Леонов.

Слова повисли в воздухе, словно тяжелый камень. Я вспыхнула мгновенно. Мои накопленные негативные эмоции забурлили внутри, требуя выхода наружу. Подняв ведро, я медленно стала приближаться к Максиму.

— Что, правда раздражает? Привыкай, тебе придется ее слушать все три дня

наказания, — усмехнулся Макс.

— Во-первых, я не птица, — мой голос звучал тихо, я подошла ближе. — Во вторых, не мужеподобная. В третьих....

Я резко подняла ведро. Холодная вода обрушилась ему на голову, окатив белоснежную рубашку и брюки. Глухой стук упавшего на пол ведра эхом отразился от стен.

— В третьих, оставь свою правду себе.

Бросив последнюю фразу, я метнулась в сторону выхода, но Максим меня схватил за руку и с силой развернул меня к себе.

— Что ты творишь?! — он дернул меня за руку с такой силой, что я качнулась в его сторону.

В его глазах появились безумные огоньки. С лица капала вода, одежда была насквозь мокрая.

— Отпусти, иначе…

Я не успела договорить. Максим разжал пальцы, и я сразу же отпрянула от него в сторону, потирая руку, которую он держал.

— Ненормальная! — бросил он, снимая сырой пиджак.

Я отошла подальше, продолжая сверлить его глазами.

Наблюдая, как он тщетно пытается выжать из пиджака воду, мне стало стыдно. Белая рубашка, теперь абсолютно прозрачная, прилипла к его телу, рельефно очерчивая крепкие плечи и накачанную спину. Ткань не скрывала, а лишь подчеркивала каждую линию его мускулистого торса.

— Я тебе принесу сменку из твоего ящика, какой у тебя код? — неожиданно предложила я.

Осознание того, что я перегнула палку, холодной водой окотило меня саму.

Максим вскинул брови в удивлении, и какое-то время смотрел на меня, не говоря ни слова.

— 219, — произнес он и проводил меня взглядом.

«Аля, ну ты и дура, — карила я себя всю дорогу до шкафчика. — Когда ты уже начнешь действовать не эмоциями, а головой!».

Как только я открыла шкафчик, то сразу заметила - на дверце висела фотография красивой девушки, лет четырнадцати. Она держала стопку книг и невероятно заразительно улыбалась.

Улыбнувшись в ответ фотографии, я взяла сумку, в которой находилась сменная спортивная одежда и вернулась обратно в класс.

Расстегнув мокрую рубашку, Максим убирал воду с пола. Поймав мой взгляд на себе, Морозов усмехнулся.

— Еще не закончила меня разглядывать?

Я почувствовала, как мои щеки начинают гореть, говоря о появлении румянца.

— Тебе бы тоже не мешало вернуться с небес на землю, — протянув пакет, ответила я.

Максим сразу же стал переодеваться, не обращая внимания на мое присутствие.

— Ты будешь здесь раздеваться?

— А что? Я тебя смущаю? — в его голосе играли явные

смешинки.

Не сводя с меня глаз, он скинул рубашку и принялся расстегивать ремень. Я моментально отвернулась, схватившись за швабру. Стараясь подавить неловкость, я принялась вытирать воду.

— Нет, — ответила я, не оборачиваясь.— Но если кто-нибудь зайдет, и увидит тебя раздетым рядом со мной... Могут подумать нехорошее.

— Птица, с каким пор тебя стало волновать, что о тебе подумают? Водишься с Леоновым и переживаешь о своей репутации?

— Никакая я тебе не птица! — я резко обернулась, злобно впиваясь глазами в наглое лицо Макса. Он уже стоял в спортивных штанах, легких кроссовках, но с голым торсом, в глазах играл блеск. — Выучи мое имя, или тебе придется до конца года ходить мокрым.

Он сделал несколько шагов и оказался рядом со мной.

— Откуда в тебе столько смелости? Ты ведешь себя так, будто бы не осознаешь, что, такие как я, могут превратить твою жизнь в ад.

"Она и есть ад" – промелькнуло у меня в голове.

— Тебе придется постараться, — прищурилась я.

В воздухе чувствовалось напряжение. Целую вечность, Максим испепелял меня взглядом, прежде чем вернулся к вещам. Он быстро натянул белую футболку и убрал мокрые вещи в сумку.

— У меня нет желания оставаться здесь до вечера, — сказал он ровным голосом. — Займи полом, я пока схожу за чистой водой.

Максим взял запасное ведро и вышел из класса.

Оставшееся время мы убирали кабинет в полной тишине, игнорируя друг друга. Закончив уборку, мы собрали вещи, и вышли из школы.

— Синицина, на своих двух пойдешь? Или тебя подвезти? – спускаясь по школьным ступенька, спросил Максим.

— Макс, избавь меня от своего присутствия, — буркнула недовольно я, поправляя на плече рюкзак.

Я первой шагнула за школьные ворота. Не успела я сделать и нескольких шагов, как чья-то рука резко схватила меня за запястье. В одно мгновение меня затащили за угол кирпичного здания.

— Ну здравствуй, — прохрипел мужской голос с неприятным перегаром. – Думала, добавив в черный список, избавишься от нас? Кровные узы так просто не стереть, Аля.

Высокий, худой мужчина, помятого вида, держал меня одной рукой за воротник школьной формы, во второй руке блеснул нож. От неожиданности я будто бы приросла к стене, которой он меня прижал.

Макс подлетел к нам с быстротой ветра. Одним движением он оттолкнул незнакомца, вложив в этот рывок всю свою силу. Мужчина не удержался на ногах и, пошатнувшись, рухнул на асфальт. Он бросил оценивающий взгляд на нас и,

сплюнув на асфальт, поднялся.

— Мы еще договорим, — прохрипел он мне и развернувшись, побежал в сторону многоэтажек.

Когда ступор прошел, мое тело бросило в дрожь. Макс потянулся ко мне и я в страхе дернулась.

— Я лишь поправлю... — негромко произнес он, медленно протягивая руку к моему плечу.

Мои испуганные глаза внимательно следили за тем, как Макс прикрывает мое открытое плечо. Окинув меня беспокойным взглядом, он глубоко вздохнул.

— Идем, — скомандовал Морозов, направляясь в сторону парка.

— К-куда?

— Приводить тебя в чувства, — бросил он мне через плечо.

Я осмотрелась вокруг и побежала следом за Максимом. Какой бы смелой я не хотела казаться, в душе я оставалась маленьким ребенком, который сейчас был дико напуган и не хотел оставаться один.

— Как у тебя, получается, находить проблемы на каждом шагу? – Максим протянул мне стакан теплого рафа.

Мы расположили на одной из пустых скамеек в парке напротив школы. Я продолжала дрожать, поэтому Морозов скинул с себя куртку и молча накинул мне ее на плечи. Куртка все еще хранил его тепло и легкие нотки свежего парфюма. Мне стало необычно уютно и спокойно. Поблагодарив, я

сильнее укуталась и крепче сжала руками стаканчик с кофе.

— Это не проблемы, — произнесла еле слышно я. – Это моя семья.

На удивленный взгляд Максима, я лишь грустно опустила глаза на стакан в руках.

— Моя мама… — мой голос дрогнул, разум приказывал молчать, но душа требовала высказаться. – Ее отправили на лечение. Какое-то время было спокойно и тихо. В начале апреля ее выпустили. Отец об этом не знает, вечно занят делами и вечно уверен, что у него все под контролем. Она просила у меня денег. Я помогала. Но когда сумма стала превышать мои возможности, я отказала. И начался ад.

— В смысле? — Максим нахмурился.

— Она стала угрожать. Писала, что я неблагодарная, что она мне этого не простит. Под ее натиском у меня сдали нервы, я стала ввязываться в драки, меня исключили из школы...

Я сжала крепче горячий стакан и подняла на Максима тревожный взгляд.

— Недавно я ее заблокировала. Вот так, просто, нажатием одной кнопки пыталась стереть маму из своей жизни... Как оказалось, это непросто. Друг моей мамы меня нашел. Он знает, где я учусь. Он угрожал мне.

Максим резко выпрямился.

— Нужно идти в полицию. Это уже серьезно.

Я вздрогнула и опять опустила глаза.

— Нет... Я не могу. Это же моя мама. Что бы она ни дела-

ла, она все равно моя мама. Я не могу так с ней поступить.

В моем голосе звучала боль и безысходность. Максим смотрел на меня, понимая, что сейчас мне нужна не только защита, но и поддержка, которую не может дать ни один закон.

— Сколько времени? – неожиданно спросил Максим.

Я удивленно посмотрела на него, а потом достала смартфон, что бы посмотреть время.

— Без четверть…

Я не успела договорить. Как только, я разблокировала телефон, Максим выхватил его из моих рук.

— Эй!

— Мой номер будет на быстром наборе, — произнес Морозов, быстро нажимая на экран моего телефона.

Закончив, он протянул смартфон мне:

— Теперь у тебя есть мой номер. Можешь звонить в любое время. Если что-то случится — просто набери меня. Я отвечу.

Я удивленно подняла на него глаза и медленно протянула руку, чтобы забрать телефон. В этот момент наши пальцы соприкоснулись. Легкая дрожь пробежала по телу, и я замерла, не в силах отвести взгляд.

Наши глаза встретились. На миг я забыла про все прежние обиды и вражду.

Тишина между ними стала почти осязаемой. Мое сердце забилось чаще, а дыхание сбилось. Я первая отвела взгляд,

и убрала руку с телефоном.

Максим чуть улыбнулся уголком губ и тихо сказал:

— Я серьезно. Звони.

— Зачем тебе это?

— Оказывается, за твоей колючей оболочкой скрывается человек, которому отчаянно нужна защита.

На моем лице, впервые за долгое время появилась слабая, искренняя улыбка. Просидев еще полчаса, Максим проводил меня домой.

На мою удачу, отца не было дома. Поужинав тем, что осталось со вчерашнего вечера, я поднялась к себе. Приняв быстро душ, я принялась за алгебру, забросив все остальные уроки. Ближе к ночи, потирая глаза от усталости, я решила закончить свои мучения и закрыла учебник. Моя уверенность в знаниях превышала максимум. Я была обязана успеть перекрыть плохую оценку прежде, чем отец ее увидит. Моя голова гудела, глаза слипались. Поэтому, когда моя голова коснулась подушки, я сразу погрузилась в глубокий сон.

Глава 4. Цена одного «Да».

На уроке алгебры Рината Кирилловна в открытую игнорировала мою поднятую руку, не давая шанса на ответ. Мое терпение испарялось, как и надежда на исправление оценки. Когда прозвенел звонок на перемену, я побеждено уронила голову на учебник. Плохая оценка продолжала висеть в журнале, неприкрытая моими ночными стараниями. Класс постепенно опустел, оставив меня одну в тишине. Глеб опять пропускал уроки, и я нехотя поняла, что мне не хватало его присутствия рядом. Собрав разбросанные школьные предметы, я поплелась в столовую.

Воздух был густо пропитан запахами еды и напитков. Я, опоздавшая на обед, заняла очередь почти в самом конце и теперь с тоской поглядывала на кассу, до которой, казалось, было не меньше километра.

Когда до заветного окошка оставалось всего пара человек, за спиной послышался нарастающий ропот. Я обернулась и увидела картину, от которой внутри все закипело. Миронова, окруженная своей свитой, шла прямо сквозь очередь, словно ее не существовало. С высоко поднятой головой и выражением ледяного превосходства на лице, она направлялась прямиком к кассе, игнорируя возмущенные взгляды и тихий гул недовольства.

Я решительно шагнула вперед, преградив путь процессии.

— Очередь начинается с конца, а не сначала, — произнесла я, выставляя между мной и Ариной поднос.

Глаза девушки сначала округлились в удивлении, а после злобно сузились. Она ткнула в мое плечо красным ногтем и высокомерно произнесла:

— Пернатая, отошла в сторону, если дороги крылья.

— Предлагаю, тебе вернуться в конец, — терпеливо предложила я. — Дважды не буду повторять.

Как по щелчку, вся "элита" засмеялась, кроме Максима. Он, нахмурив брови, внимательно следил за мной.

— Сегодня у меня нет желания об тебя пачкаться, — произнесла Арина, и попыталась пройти мимо меня.

Мгновение, и мой поднос полетел в Миронову. Липкая, сладкая жидкость водопадом обрушилась на идеальную светлую блузку Арины. Столовая взорвалась. Кто-то ахнул, кто-то засмеялся. Арина застыла, словно ее облили не соком, а ледяной водой. Ее глаза расширились от шока и ярости, а затем сузились в две злые щелки. Мое сердце неумолимо отбивало ритм, адреналин ударил в голову. Прежде, чем Арина отошла от шока, между нами внезапно возник Максим. В его взгляде, обращенном на меня, бушевали молнии ярости.

Я приготовилась к худшему раскладу событий и выпрямила плечи, готовясь принять достойно расплату.

— Уходим, — неожиданно скомандовал он Арине.

— Что?! — взвизгнула девушка. — Ты думаешь, я так просто уйду?

— Не думаю, а уверен,— Максим слегка склонился над Ариной и еле слышно произнес. — У тебя два предупреждения, забыла? Хочешь вылететь из школы?

— Мне плевать! — она рванула на меня, но ее перехватил Морозов.

Он схватил девушку за локоть и направился в сторону выхода, таща за собой шумевшую Арину.

— Какого черта ты делаешь? Я это так не оставлю! Слышишь, пернатая? Вырву все твои крылья!

Вся элита вышла следом за Максимом, как послушные псы, державшиеся рядом своего хозяина.

Я, с неровно-бьющимся сердцем, встала обратно очередь. Ощущая пристальные взгляды присутствующих, я подняла голову выше, стараясь не выдавать накатившую волну переживаний внутри.

Весь оставшийся день я не видела Арину, как и Максима. Ее свора открыто сверлила меня глазами, но никто так и не подходил. Скорее всего, ждали команду «Фас», которая по какой-то причине, так и не поступила.

В конце занятий, наш класс отправился заканчивать с декорациями ко Дню Победы, я осталась в классе. Максима все еще не было, и я начала поднимать стулья, не дожидаясь одноклассника.

Через несколько минут дверь в помещение хлопнула.

— Огонек, ты что творишь? — его голос прозвучал низко и серьезно. Он быстрым шагом направляясь ко мне.— Как с

цепи сорвалась и набрасываешься на всех!

— Всех? — эхом повторила я. — С каких пор Миронова стала "Всем"?

— Ты не представляешь, чего мне стоило успокоить Арину. Ты была на волосок от скандала. Очередная драка — это минимум, что могло случиться. Мне казалось, кабинет директора в твои планы не входит. Или я ошибся?

Максим наступал, а я пятилась, пока лопатки не уперлись в холодную стену класса. Я опустила глаза, не в силах выдержать его тяжелый, прожигающий взгляд, и попыталась ускользнуть в сторону, но он уперся ладонями в стену по обе стороны от моей головы, поймав в ловушку.

— Не ошибся, — буркнула я, упрямо не желая признавать вину до конца. — Нечего вне очереди идти, возомнил из себя...

— Синицина, — резко перебил он, и его низкий голос прозвучал почти над самым ухом. — Научись, контролировать свои эмоции. Иначе ты никогда не закончишь школу.

Я подняла взгляд и с минуту молча смотрела в его голубые глаза. Зрачки его глаз были расширены до предела. Вглядываясь в них, я начала видеть свое крошечное, растерянное отражение.

— Спасибо, — почти одними губами, произнесла я.

На лице Морозова промелькнула тень удивления. Он резко отстранился, разрывая контакт, и шагнул к выходу.

— Начни брать ответственность за свои поступки, а не за

чужие ошибки. Тебя определяют не они.

Максим вышел, оставив меня одну, размышлять над его словами. Слова Максима эхом отдавались в пустой комнате, но смысл их ускользал, растворяясь в обиде и странном, непривычном чувстве. Я смотрела на закрытую дверь, за которой скрылся Морозов. «Не они тебя характеризуют». Легко ему говорить. Он всегда был на своей волне — правильный, рассудительный, тот, кого слушают. А я... я была Птицей. Дикой, непредсказуемой, готовой клюнуть любого, кто подлетит слишком близко.

Слова Максима эхом отдавались в пустой комнате, но смысл их ускользал, растворяясь в обиде и странном, непривычном чувстве. Я подняла взгляд на свое отражение в темном стекле окна. В глазах плескалась та же злость, что и утром, но теперь к ней примешивалось что-то еще. Стыд? Или, может быть, усталость?

Я взяла швабру и принялась возить ею по полу, с остервенением оттирая несуществующую грязь. Вода в ведре быстро стала мутной. Я двигалась механически, а мысли всё возвращались к его лицу. К тому, как он прижал меня к стене. Не грубо, но так, что я не могла пошевелиться. К его запаху — ментол и что-то еще, дорогое и чистое.

«Научись контролировать свои эмоции».

Я с силой ударила шваброй о пол. Звук получился глухим и громким.

— Легко сказать! — выкрикнула я в пустоту класса.

Внезапно дверь снова распахнулась. Я вздрогнула и резко обернулась, ожидая увидеть кого угодно — Ринату Кирилловну с очередным выговором или Арину с ножом.

Максим стоял на пороге, прислонившись плечом к косяку. В руках он держал два бумажных стаканчика из автомата.

— Я подумал, что ты тут от жажды умрешь, — сказал он будничным тоном, словно не было этой сцены у стены и его ледяного тона минуту назад.

Он прошел в класс, игнорируя мое настороженное молчание, и поставил один стаканчик на ближайшую парту.

— Кофе. Черный. Без сахара. Как ты любишь.

Я замерла со шваброй наперевес.

— Откуда ты знаешь, как я люблю? — голос прозвучал хрипло.

— Я наблюдательный, Синицина, — он криво усмехнулся, делая глоток из своего стакана.

Воздух между нами снова сгустился. Я поставила швабру в угол и медленно подошла к парте. Взяла стаканчик. Руки дрожали, и я боялась, что он это заметит.

— Ты злишься? — спросила я тихо.

— Злюсь? — он удивленно вскинул бровь. — Нет. Ты как магнит для неприятностей.

Я опустила глаза, чувствуя, как щеки начинают гореть.

— Ты мог бы просто пройти мимо у столовой.

— И позволить Мироновой втянуть тебя в драку? — он фыркнул и покачал головой. — Нет уж. У меня свои планы

на твою персону. И они не включают в себя больничные койки или исключения из школы.

Он подошел ближе и забрал у меня швабру.

— Хватит тереть одно и то же место. Пол уже блестит. Сядь и выпей кофе, пока не остыл. У нас еще полчаса уборки, а я не хочу делать её один.

Я села за парту, обхватив стаканчик тонкими пальцами. Кофе был обжигающе горячим и горьким. Максим вернулся к уборке, но теперь он двигался расслабленно.

— Почему ты назвал меня Огонек? — спросила я вдруг, сама удивляясь своему вопросу.

Он остановился и посмотрел на меня через плечо.

— Потому что ты рыжая. И потому что внутри тебя горит пламя. Оно обжигает всех вокруг, но без него было бы слишком холодно и темно.

Я почувствовала, как по спине бегут мурашки. Это было самое странное и самое красивое объяснение прозвища, которое я когда-либо слышала. Мой телефон нарушил нависшую между нами тишину. Ответив на вызов, я услышала строгий тон отца.

— Долго мне тебя ждать?

Я бросила испуганный взгляд на Максима. Тот замер, серьезно всматриваясь в мое лицо.

— Пап, я осталась убирать класс… Я тебе говорила…

— Когда? — он раздраженно вздохнул. — Я стою напротив ворот и у меня впереди важная встреча. Не заставляй

меня ждать.

Послышались короткие гудки.

— Огонек, — заговорил Максим странно мягким голосом. — Я закончу уборку без тебя.

Я удивленно подняла брови и хотела запротестовать.

— Даю тебе минуту, что бы уйти, —Максим театрально поднял руку с часами. — Время пошло.

Я подскочила и оставив стаканчик на парте, закинула рюкзак на плечо.

— Спасибо! — бросила я, расплываясь в благодарной улыбке и выбегая из класса.

Следующее утро встретило меня привычным гулом школьного коридора. Запах свежей выпечки из столовой смешивался с ароматом духов и гулом сотен голосов. Я стояла у своего шкафчика, пытаясь найти нужный учебник в хаосе тетрадей. Настроение было паршивым: алгебра маячила на горизонте грозовой тучей, а вчерашняя ссора с отцом все еще держала в обиде.

Я резко выпрямилась, захлопнув дверцу шкафчика, и тут же ощутила сильный толчок в плечо. Сумка соскользнула с плеча и упала на пол, рассыпав содержимое.

— Смотри, куда прешь! — раздался надменный голос.

Передо мной стояла Миронова. Она даже не замедлила шаг, просто прошла мимо, словно я была пустым местом или колонной, о которую можно споткнуться.

— Эй! — мой голос прозвучал громче, чем я ожидала. Я

шагнула вперед, преграждая ей путь. — Ты совсем ослепла? Или корона так сильно давит?

Арина медленно повернулась. На ее идеально накрашенном лице играла ядовитая улыбка.

— А, это ты, Пернатая. Смотрю, крылья еще не подрезали?

— Ты толкнула меня специально! — я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— А ты докажи, — она картинно развела руками и сделала шаг ко мне. В нос ударил сладкий запах ее парфюма. — Или хочешь повторить трюк с подносом? Учти, я сегодня в белой блузке от Гуччи. Жалко портить.

Я почувствовала, как щеки заливает краска гнева. Я уже открыла рот, чтобы ответить ей чем-то едким, возможно, даже толкнуть в ответ... но внезапно чья-то сильная рука перехватила Арину за локоть и дернула назад.

— Арин, прекрати, — неожиданно послышался серьезный голос Макса.

Арина развернулась лицом к Максу и метнула возмущенный взгляд в его сторону, но спорить не стала.

— Отдыхай, — бросила она мне, не оборачиваясь. — Сегодня я не буду об тебя пачкаться.

Ее высокомерный тон и брошенная фраза через плечо моментально вывела меня из себя.

— Тебе ли не все равно? Ты вся пропитана внутренней грязью.

Возможно, мой голос прозвучал чуть громче, чем мне хотелось. Все кто стоял в коридоре развернулись в мою сторону и Арина тоже.

— Да кто ты такая, что бы так ко мне обращаться? — Миронова быстрым шагом приблизилась ко мне и толкнула рукой мне в плечо.

— Та, кто собьет с тебя дешевую корону, — я резко схватила ее за руку, которой она меня толкнула и, резко вывернув ее, толкнула в сторону.

Школьники охнули, в коридоре повисла гробовая тишина, а в воздухе появилось напряжение, от которого у меня участилось сердце, призывая на помощь адреналин.

Арина развернулась и, не теряя ни секунды, набросилась на меня. Ее наманикюренные ногти вцепились мне в волосы и с невероятной силой потянули на себя. Одно простое, примитивное движение выбило меня из калии. Потеряв равновесие, я поддалась вперед. Неожиданные вопли школьников, привели меня в чувства. Я схватила Арину за пальцы и, нащупав мизинец, резко отвела его назад, к тыльной стороне ладони. Раздался громкий крик, хватка ослабла и через секунду Арина отскочила от меня, как от огня.

— Эта больная сломала мне пальцы! — закричала Арина.

Максим и вся «элита» стоял в ступоре, наблюдая, как девушка начинает хныкать прижимая руку к груди.

— Что здесь происходит?!

Приглаживая растрепанные волосы дрожащей рукой, я

обернулась. Рината Кирилловна грозной походкой шла в нашу сторону.

— Я спрашиваю, что здесь происходит?!

— Она ... — Арина всхлипнула. — Она мне пальцы сломала!

— Неправда! — мой голос дрогнул от осознания последствий.

— На этот раз, Синицина, тебе не открутится, — прошипела ядовито классная руководительница. — Максим, отведи Арину в медпункт и зайди в кабинет директора. А ты... Идем за мной.

Я бросила взволнованный взгляд на Арину. На ее лице мелькнула тень победной улыбки. Максим, нахмурился. Мне ничего не оставалось, как принять свою участь достойно. Подняв высоко голову, я с холодным выражением лица прошла следом за Ринатой Кирилловной.

Я сидела в кабинете директора. Эдуард Дмитриевич с усталым лицом, смотрел на меня поверх очков, будто бы пытаясь прочесть мои мысли. Но в голове у меня было пусто. Ни мыслей, ни идей, как выбраться из этой ситуации у меня не было.

— Драка в нашей школе — это серьезное нарушение, — произнес он. — Очень серьезное. Вплоть до исключения.

Я сглотнула образовавшийся ком в горле и прочистила горло.

— Миронова набросилась первая, — сдавленным голосом

начала я. —И никакие пальцы я ей не ломала.

С каждым сказанным словом, моя интонация приобретала уверенные нотки. Я начинала приходить в себя. Страх и тревога внутри меня уступили место злости и обиде.

— Я всего лишь попыталась вырваться. Она пыталась мне волосы вырвать!

— Хватит, — строго приказал директор. — Возможно, Вы забыли, но в наших правилах нарушение дисциплины карается строго. Рината Кирилловна уже позвонила Вашему отцу...

Директор не успел договорить, как в дверь громко постучали. Вздохнув, Эдуард Дмитриевич бросил:

—Зайдите!

Максим молча прошел в центр кабинета и, бросив серьезный взгляд на меня, обратил все свое внимание на директора.

— В медпункте осмотрели Миронову. Перелома нет.

Повисла напряженная тишина, Эдуард Дмитриевич на минуту задумался. Я опустила глаза на сплетенные пальцы.

— Синицина утверждает, что драку начала Миронова. Максим, это так?

«Вот и все, — я нервно закусила губу, не поднимая взгляда. — Вот ты и отучилась здесь».

— Да, — неожиданно произнес Максим.

Я удивленно посмотрела на одноклассника. Директор вновь замолчал, явно недоволен признанием Морозова Он

перевел взгляд с Максима на меня, словно взвешивая каждое слово.

— Хорошо... — произнес он задумчиво. — То есть, плохо. Морозов, возвращайся на занятия. Аля, ожидай у кабинета. Твой отец должен прибыть с минуты на минуту.

Как только мы вышли из кабинета, я слабо проговорила:

— Спасибо.

— За правду не благодарят.

Мой взгляд упал сквозь Максима, а точнее ему за спину. Я почувствовала, как внутри все стягивается в неприятный узел. Возможно, мое лицо резко побледнело, так как Максим взволнованно взял меня за локоть.

— Ты чего, упасть решила?

От его прикосновения я испуганно отдернула руку и взволнованно посмотрела ему в глаза.

— Аля, — прозвучал строгий голос моего отца. — Что ты опять натворила?

Максим обернулся, а я опустила голову вниз, не выдержав тяжелого взгляд моего папы.

— Здравствуйте, — неожиданно вмешался Макс. — Аля ничего не натворила. Ей лишь пришлось за себя заступиться.

В глазах моего отца появились молнии, от которых мои ноги неожиданно стали ватными и я опустилась на стул.

— Аля, — удивительно ровным и холодным тоном обратился ко мне отец, проигнорировав Максима. — Жди меня здесь. Когда я выйду от директора, то буду ждать от тебя пол-

ноценного рассказа о случившемся и...— отец окинул сверху вниз стоящего Максима взглядом. — И о нем.

Он зашел в кабинет по-хозяйски, без стука. Будто бы этот кабинет принадлежал ему, как и весь мир.

— Спасибо, конечно, что вмешался, — не поднимая глаз, произнесла я. — Но лучше бы ты промолчал.

— Синицина, ты даже благодаришь с упреком. Тебе стоит научиться, говорить "Спасибо" — Максим продолжал возвышаться стоя надо мной.

— Теперь отец забросает меня вопросами не только насчет случившегося, но и тебя.

— Тебе пора взрослеть. И перестать извиняться за каждый шаг в жизни, — Максим сделал паузу и, глубоко вздохнув, добавил. — Удачи, Аля.

Поправив рюкзак на плече, он направился в сторону выхода.

«Аля... И с каких пор я для него Аля?» – только и подумала я, провожая взглядом Морозова.

Максим.

— Ну и как это понимать, Максим? — голос Мироновой дрожал от едва сдерживаемой ярости. — Ты… Ты встал на ее сторону! На сторону этой... этой новенькой!

Арина уже целых пятнадцать минут кружилась в гневе надо мной. Я расслабленно раскинулся на диване, у себя в гостиной и щелкал не переставая каналы.

— Почему ты сказал, что это я начала драку?! — продол-

жала вопить Арина, и у меня от ее голоса начинала ныть голова. — Ты испортил мне шанс!

— Ариша, успокойся. Твой шанс полетел бы как только директор включил бы запись с видеокамер.

— Мне плевать! Я бы что-нибудь придумала. Но ты все испортил. Почему ты встал на ее сторону? Ты предал меня! Мы с тобой с первого класса! Я думала, наша дружба для тебя что-то значит!

Она подошла ближе, пытаясь поймать мой взгляд.

— Она никто! Пустое место! А ты... ты просто взял и уничтожил меня перед всеми из-за нее!

Я смотрел на подругу, которую знал столько лет, и видел перед собой лишь искаженное обидой и гордыней лицо. Мне не хотелось спорить, не хотелось доказывать очевидное. Любое мое слово сейчас стало бы лишь порохом для разгорающегося пожара.

Арина ждала ответа, но его не последовало. Тишина, повисшая в комнате, была для нее хуже любого крика. Она подскочила ко мне и, выхватив пульт, бросила его в другой конец комнаты.

Глубоко вздохнув, я поднялся. Миронова почувствовав, что перегнула палку, сделала шаг назад. Я поднял руку и посмотрел на часы.

— Если ты закончила, то мне пора.

Я развернулся и направился в сторону прихожей.

— Как пора? — эхом повторила Арина и, отойдя от сту-

пора, бросила мне в спину. — Знаешь что, Макс, не ту ты сторону выбрал!

— Арин, я не хочу ругаться, — спокойно ответил я, накидывая бомбер. — Закрой дверь, как будешь уходить. Запасные ключи на тумбочке.

Не дожидаясь ответа, я схватил спортивную сумку и захлопнул за собой дверь.

Тренировка оказалась выматывающей, головная боль от криков Арины с каждой минутой нарастала. Через полчаса спарринга с Темычем, я поднял руку, давая понять, что бой окончен. Сняв перчатки, я вытер тыльной стороной руки испарину со лба.

— Ну че, сдулся? — насмешливо обратился ко мне Артем.

— Дай мне пять минут, и я сделаю тебя, — я спрыгнул с арены и направился в сторону кулера.

Артем последовал за мной.

— Я и сам хотел взять паузу. Ты набросился на ринг, не дав даже перекинуться парами словами. А тебе явно есть, что мне рассказать, — он толкнул меня в бок.

Я налил стакан холодной воды и, не обращая внимания на друга, выпил залпом. Прохладная жидкость приятно опустилась по пищеводу в желудок.

— Вся школа была свидетелем новой ссоры новенькой с нашей Аришей. А после...— он сделал интригующую паузу. – Говорят, ты заступился в кабинете за птицу.

Я бросил серьезный взгляд на друга. Как быстро расползаются слухи, ведь все случилось утром. И эти слухи собирает мой друг. Дверь зала оглушительно хлопнула, избавляя меня от ответа.

— Здаров, — Серега пожал поочередно нам руки. — Отец припахал с разгрузкой товара в магазине. Только отпустил. Что я пропустил?

— Ты как раз вовремя, — заговорил Артем, я усмехнувшись продолжил. – Максим опрокинул Арину, заступившись за новенькую.

Сережа хмыкнул, зашнуровывая перчатки:

— Я-то думал, ты за «наших» горой, Мороз. А «наши» — это, видимо, теперь Аля?

Я бросил пустой стакан в мусорное ведро. Мои щеки загорелись, но не от смущения, а от глухого раздражения.

— Чего ты ее выгораживал? — не унимался Артем, поигрывая бицепсом. — Она же тебе никто. Просто новенькая. А Арина — это Арина.

— Ариша первая начала, — сухо бросил я. Голос прозвучал резче, чем я планировал.

— Ну-ну, — Сережа подмигнул другу. — А то мы не видели, как ты на птицу смотришь.

Я резко развернулся.

— Хватит. Я не хочу об этом говорить.

В зале повисла тишина. Друзья переглянулись. Они по-

пали в точку и это понимали. Нужно было срочно сменить тему. Сбить этот назойливый ритм допроса. Я резко выпрямился и посмотрел на Серегу в упор.

— Раз уж ты такой умный и все знаешь, может, выйдешь на ринг? — мой голос был спокойным, но в нем звенел вызов. — Помнится, прошлый бой ты слил из-за своей медлительности. Есть шанс реабилитироваться.

Лицо Сереги вытянулось от удивления, но он тут же хищно улыбнулся.

— Ну что ж, я не против закончить начатое.

Не дожидаясь ответа, Я направился к рингу, чувствуя спиной взгляды друзей. Мысли об Але крутились в голове, отдавая в самое сердце. В запутанных чувствах, я запрыгнул на ринг, пытаясь выбросить навязчивые мысли и сосредоточиться на спарринге.

Глава 5. Крыша над пропастью.

Аля.

Отец вновь поднял на меня руку. Не было никакого спора, никакой ругани. Как только мы вернулись домой и дверь нашего дома закрылась, он наотмашь влепил мне пощечину.

«Не такую дрянь я воспитывал» — его слова все еще звенели в ушах. Я не чувствовала боль. Лишь обиду. Пробирающую до костей. На занятия я решила не идти. Утром молча показала отцу синяк, и он, поморщившись, разрешил остаться дома. Ему не нужны были слухи. По статусу не положено, чтобы его дочь ходила с побитым лицом. Весь день, я провела в постели за чтением, лениво прерываясь на еду. Друзей у меня не было, знакомых я не завела. Поэтому, когда после обеда, я услышала звонок в дверь, то заметно напряглась.

— Морозов? — я удивленно подняла брови, когда Максим нагло шагнул в дом.

— Тебе никто не говорил, что твоя манера фамильярничать отталкивает? — он окинул меня с ног до головы.

— Твоя манера вырваться в чужие дома тоже не притягательна, — я недовольно скрестила руки на груди. — Что ты здесь забыл?

Максим не ответил сразу. Он достал из кармана куртки сложенный вдвое листок, но его взгляд был прикован не к бумаге, а к моему лицу. Он смотрел на темное пятно на щеке

так пристально, что мне стало не по себе.

— Тебя сегодня не было в школе. После майских выходных будет контрольная по физике. Здесь задания по двум вариантам, которые будут. Подумал, что тебе пригодится...

Я сделала шаг вперед и хотела уже выхватить лист, как Макс резко поднял руку с вариантами

— Решишь оба варианта в двух экземплярах. Один отдашь мне, — его губы тронула легкая усмешка, но глаза оставались серьезными.

— А больше тебе ничего не надо? – округлив глаза от такой наглости, я вырвала листок.

— Есть несколько желаний... — он прищурил один глаз, на лице появилась ухмылка.

«Да он надо мной смеется!» — возмущение накрыло меня с головой.

— Озвучивай свои желания Арише и таким как она — проворчала я, выталкивая его из дома. — И задания свои забери, без тебя справлюсь!

Я бросила смятый листок ему в грудь и с силой захлопнула дверь перед его носом. Сердце колотилось где-то в горле. За дверью повисла тишина. Я прижалась к холодному дереву спиной и закрыла глаза. «Дурак. Наглый, самоуверенный дурак».

— Да ладно тебе, Аля, — послышался из-за двери его голос. Он звучал уже не насмешливо, а спокойно и... тепло? —

Я просто хотел тебе помочь. На листах не только задания, но и ответы. Оставлю под дверью. Не скучай.

Я метнулась к окну. Максим, увидев меня, улыбнулся и направился к припаркованному мотоциклу. Как только он отъехал, я вышла, и посмотрела вниз. На сложенном листке, лежала маленькая розовая заколка. Моя розовая заколка, которую в драке сорвала Арина.

Весь оставшийся день, мои мысли были заняты сценой с Максимом. Пытаясь отвлечься, ближе к ночи я переоделась в спортивную форму и собиралась уже выйти на вечернюю пробежку, как вдруг из своей комнаты вышел отец. Мы столкнулись с ним на лестничной площадке и я в сотый раз мысленно отругала себя за невнимательность. Если бы я услышала, когда мой отец вернулся, я бы закрылась в своей комнате до утра.

— Ты куда-то собралась? – отец окинул меня строгим взглядом.

— Да, — бросила я через плечо и стала быстро спускаться по лестнице, в надежде успеть выйти на улицу.

Позади послышались тяжелые, размеренные шаги. Он молча шел следом. Как только я спустилась в холл, отец свернул в сторону кухни, отделенной от гостиной лишь островом. Я замерла, наблюдая, как он, не глядя на меня, достает бутылку с темной жидкостью.

— Аля, разве я тебя отпускал? – спросил он, плеснув себе в стакан.

Я замерла, наблюдая, как отец опустошает стакан. Он всегда выпивал в скверном настроении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.